

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Сонеты

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.
А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, –
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.
Ты – украшенья нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, –
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скарედность с растратой.
Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

2

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» –
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».
Пускай с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.
Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, –
Так велика к себе твоя любовь?
Для материнских глаз ты – отраженья
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.
Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой – с тобою!

4

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
А в долг дает – свободная свободным.
Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.
Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?
С тобою образ будущих времен,

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.
Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.
И только аромат цветущих роз –
Летучий пленник, запертый в стекле, –
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.
Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

6

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не сохранишь на дне фиала.
Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.
Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторённый,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.
Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

7

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.
Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой, –
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой.
Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.
Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

8

Ты – музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?
Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?
Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, –
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.
Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

9

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.
Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.
Кто предает себя же самого –
Не любит в этом мире никого!

10

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем – живешь ты, не любя.
Свой лютый враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.
Переменись – и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.
Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

11

Мы вянем быстро – так же, как растем,
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.
Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времен,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.
Пусть тот, кто жизни и земле не мил, –
Безликий, грубый, – гибнет невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возвратить их можешь многократно.
Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой оттиск передать.

12

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,
Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов густая борода, –
Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.
Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

13

Не изменяйся, будь самим собой.
Ты можешь быть собой, пока живешь.
Когда же смерть разрушит облик твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож.
Тебе природой красота дана
На очень краткий срок, и потому
Пускай к потомку перейдет она, –
Как бы опять к тебе же самому.
В заботливых руках прекрасный дом
Не дрогнет перед яростью зимы.
Пусть никогда не воцарится в нем
Безмолвье смерти, холода и тьмы,

Чтоб мог твой сын, оплавав твой конец,
Сказать, как ты: – Был у меня отец!

14

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.
Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.
Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.
А если нет, – под гробовой плитой
Исчезнет правда вместе с красотой.

15

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир – подмостки, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,
Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, –
О, как я дорожу твоей весной,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.
Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

16

Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?
Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных, девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.
Так жизнь исправит всё, что изувечит.
И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.
Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в созданье новом – в человеке.

17

Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.
Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, –
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»
И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»
Но доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

18

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!
То нам слепит глаза небесный глаз,

То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.
А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень, –
Ты будешь вечно жить в строках поэта.
Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

19

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.
Зимую, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем – смех.
Что хочешь делай с миром и со мной, –
Один тебе я запрещаю грех.
Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.
А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

20

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски нежен ты, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.
Твой ясный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем всё вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзей пленяет и разит подруг.
Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Ненужной мне приметой наделила,
А женщин осчастливила она.
Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.
Пускай они для украшения строк
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.
В любви и в слове – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.
Я не хочу хвалить любовь мою, –
Я никому ее не продаю!

22

Лгут зеркала, – какой же я старик!
Я молодость твою делю с тобою.
Но если дни избороздят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.
Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе.
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже.
Старайся же себя оберегать –
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.
Одна судьба у наших двух сердец:

Замрет мое – и твоему конец!

23

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, –
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.
Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.
Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

24

Мой глаз гравёром стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве – перспектива.
Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.
Мои глаза с твоими так дружны:
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.
Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

25

Кто под звездой счастливою рожден –
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь – источник счастья.
Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.
Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел – опала и забвенье.
Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

26

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.
Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.
А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.
Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

27

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь –
В своих мечтах – к одной и той же цели.
Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,

И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.
Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.
Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью – я всегда в пути.

28

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.
И день и ночь – враги между собой –
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
А по ночам не сплю, грустя в разлуке.
Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.
Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень.

29

Когда, в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод
И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, –
Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.
С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, –
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.
Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.
Веду я счет потерянному мною
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!
Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

31

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.
Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового,
Но, видно, рок на время их унес, –
И вот теперь встречаемся мы снова.
В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.
Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе – им всем – принадлежу.

32

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою, –
Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.
Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.
Но так как с мертвым спор ведут они. –
Во мне любовь, в них мастерство цени!

33

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.
Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.
Но не ропщу я на печальный жребий, –
Бывают тучи на земле, как в небе.

34

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.
Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, –
Ты исцелить мне раны не могла.
Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.
Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

35

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.
Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая беззаконно твой порок.
Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.
Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

36

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно.
Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,

Но у любви крадет за часом час.
Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.
Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

37

Как радуется отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.
Великодушье, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье –
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.
Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.
Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя, как благодать.

38

Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить.
И если я порой чего-то стою,
Благодари себя же самого.
Тот поражен душевной немотою,
Кто в честь твою не скажет ничего.
Для нас ты будешь музою десятой
И в десять раз прекрасней остальных,
Чтобы стихи, рожденные когда-то,
Мог пережить тобой внушенный стих.
Пусть будущие славят поколенья
Нас за труды, тебя – за вдохновенье.

39

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,
Нельзя хвалить себя же самого.
Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой стоишь только ты.
Разлука тяжела нам, как недуг,
Но временами одинокий путь
Счастливейшим мечтам дает досуг
И позволяет время обмануть.
Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

40

Все страсти, все любви мои возьми –
От этого приобретешь ты мало.
Всё, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.
Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.
Ты ничего лишил его сумы,
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.
О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом!

41

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоём сознании нет, –
К лицу твоим летам, твоим чертам.
Приветливый, – ты лестью окружен,
Хорош собой, – соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.
Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.
Неверную своей красотой пленя,
Ты дважды правду отнял у меня.

42

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет, – вдвое мне больнее.
Твоей любви утрата мне страшна.
Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил,
А милая тебе дарит свиданья
За то, что ты мне бесконечно мил.
И если мне терять необходимо, –
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.
Но если друг и я – одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже...

43

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая,
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.
И если так светла ночная тень –
Твоей неясной тени отраженье, –
То как велик твой свет в лучистый день.
Насколько явь светлее сновиденья!
Каким бы счастьем было для меня –
Проснувшись утром, увидеть воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.
День без тебя казался ночью мне,
А день я видел по ночам во сне.

44

Когда бы мыслью стала эта плоть, –
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянье побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.
Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.
Пускай моя душа – огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух –
Земли с водой, – угнаться не могу.
Земля, – к земле навеки я прирос,
Вода, – я лью потоки горьких слез.

45

Другие две основы мирозданья –
Огонь и воздух – более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, пространству вопреки.
Когда они – две вольные стихии –
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.

Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.
Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
Летят к тебе и мысли и стремленья.

46

Мой глаз и сердце – издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.
Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.
Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.
Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду – взгляд.

47

У сердца с глазом – тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.
Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.
Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она – с тобою.
Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

48

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог.
А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото – блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль,
Тебя любой похитить может вор.
В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.
Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

49

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,
Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным
И я увижу холод и покой
В твоем лице, по-прежнему прекрасном, –
В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Всё оправдав своей неправотою.
Меня оставить вправе ты, мой друг.
А у меня для счастья нет заслуг.

50

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,

Не ожидая дальше ничего,
Отсчитывать уныло, сколько миль
Отъехал я от счастья своего.
Усталый конь, забыв былую прыть,
Едва трусит лениво подо мной, –
Как будто знает: незачем спешить
Тому, кто разлучен с душой родной.
Хозяйских шпор не слушается он
И только ржаньем шлет мне свой укор.
Меня больнее ранит этот стон,
Чем бедного коня – удары шпор.
Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
За мною – радость, впереди – печаль.

51

Так я оправдывал несносный нрав
Упрямого, ленивого коня,
Который был в своем упрямстве прав,
Когда в изгнание шагом вез меня.
Но будет непростительным грехом,
Коль он обратно так же повезет.
Да поскачи на вихре я верхом,
Я думал бы: как тихо он ползет!
Желанья не догонит лучший конь,
Когда оно со ржаньем мчится вскачь.
Оно легко несется, как огонь,
И говорит ленивейшей из кляч:
– Ты, бедная, шажком себе иди,
А я помчусь на крыльях впереди!

52

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.
Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.
Пускай скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.
Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

53

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.
Вообразим Адониса портрет, –
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет.
Ты – древнего искусства образ новый.
Невинную весну и зрелый год
Хранит твой облик, внутренний и внешний:
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.
Всё, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.
Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, –
Они цветут, не радуя сердец,

И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.
Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

55

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.
Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут.
Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.
Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

56

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.
Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.
Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.
Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

57

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.
Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.
Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час пробыть с тобою мог.
Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

58

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.
Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой – ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.
Ты предаешься ль делу иль забаве, –
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.
В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

59

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение бывшего

И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова, –
Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,
Сумеет в древней книге отыскать
Запечатленный в слове лик твой милый.
Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно совершенном,
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.
Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.
Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.
Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.
Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

61

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?
Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?
О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.
Я не могу забыться сном, пока
Ты – от меня вдали – к другим близка.

62

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?
Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого,
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.
Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, – на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.
Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий – юною судьбою.

63

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнаёт жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,
Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило, –
Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,

чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.
Оружье это – черная строка.
В ней все цвета переживут века.
64

Мы видели, как времени рука
Срывает всё, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Всё говорит о том, что час пробьет –
И время унесет мою отраду.
А это – смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!
65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя – беспомощный цветок?
Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?
О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..
Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!
66

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Всё мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!
67

Спроси: зачем в пороках он живет?
Чтобы служить бесчестьем оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?
Зачем искусства мертвые цвета
Крадут его лица огонь весенний?
Зачем лукаво ищет красота
Поддельных роз, фальшивых украшений?
Зачем его хранит природа-мать,
Когда она давно уже не в силах
В его щеках огнем стыда пылать,
Играть живую кровью в этих жилах?
Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
О том, что было и чего уж нет!
68

Его лицо – одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,

И не рядилась в ложные цвета,
Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди
Вторую жизнь на голове другой.
Его лицо приветливо и скромно,
Уста поддельных красок лишены,
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.
Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшенья.

69

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.
За внешний облик – внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.
Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души – ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.
Твой нежный сад запущен потому,
Что он доступен всем и никому.

70

То, что тебя бранят, – не твой порок.
Прекрасное обречено молве.
Его не может очернить упрек –
Ворона в лучезарной синеве.
Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.
Избегла ты засады юных дней,
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.
Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты царила на земле!

71

Ты погрусти, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низший мир червей.
И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалея.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.
Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пускай замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь!..
Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

72

Чтобы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что ты во мне любила, –
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.
Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
Что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.
Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня скорей из памяти изгладь, –

Иль дважды мне ответ придется дать:
За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

73

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине –
На хорах, где умолк веселый свист.
Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти – сумраком объят.
Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилую становится моей.
Ты видишь всё. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

74

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест –
Мне памятником будут эти строчки.
Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Всё, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах, –
Ты, потеряв меня, утратишь мало.
С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.
Ей – черепки разбитого ковша,
Тебе – мое вино, моя душа.

75

Ты утоляешь мой голодный взор,
Как землю освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.
То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною,
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад блеснуть сверкающей казною.
Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.
В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней.

76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?
Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.
Всё это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.
Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

77

Седины ваши зеркало покажет,
Часы – потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет –
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.
Запечатлейте беглыми словами
Всё, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.
Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

78

Тебя я музой называл своею
Так часто, что теперь наперебой
Поэты, переняв мою затею,
Свои стихи украсили тобой.
Глаза, что петь немного научили,
Заставили невежество летать, –
Искусству тонкому придали крылья,
Изяществу – величия печать,
И всё же горд своим я приношеньем,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшеньем,
Мои стихи тобою рождены.
Поэзия – в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

79

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музы немощной затих!
Я сознаю своих стихов бессилье.
Но всё, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоём находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.
Он славит добродетель, это слово
Украва у поведенья твоего,
Он воспеваёт красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.
Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна за всё, что стихотворец тратит.

80

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумая, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.
Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, –
Дерзнул я появиться на волне.
Лишь с помощью твоей среди бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.
Не знаю я, что ждет меня в пути,
Но не боюсь и смерть в любви найти.

81

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя, – не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.
Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют – открытая гробница.
Твой памятник – восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, – на устах!

82

Не обручен ты с музою моей,
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.
Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.
Я уступить соперникам готов.
Но poste риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.
Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

83

Я думал, что у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.
Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла, –
Дабы свое величье доказать
Без украшений красота могла.
Но ты считаешь дерзостным грехом:
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.
То, что во взоре светится твоим,
Твои певцы не выразят вдвоем.

84

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?
Кто у себя в сокровищнице прячет
Пример тебе подобной красоты?
Как беден стих, который не прибавил
Достоинства виновнику похвал.
Но только тот в стихах себя прославил,
Кто попросту тебя тобой назвал.
Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.
А голоса тебе любезной лести
Звучат хулой твоей красе и чести!

85

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письма
Красноречивым золотым пером.
Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать «аминь!»
В конце торжественно звучащих строк.
Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,
Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь, –
Но сколько чувства в помыслах моих!
За громкие слова цени певцов,
Меня – за мысли тихие, без слов.

86

Его ли стих – могучий шум ветрил,
Несущихся в погоню за тобою, –
Все замыслы во мне похоронил,
Утробу сделав урной гробовою?
Его ль рука, которую писать

Учил какой-то дух, лишенный тела,
На робкие уста кладет печать,
Достигнув в мастерстве своем предела?
О нет, ни он, ни дружественный дух –
Его ночной советчик бестелесный –
Так не могли ошеломить мой слух
И страхом поразить мой дар словесный.
Но если ты с его не сходишь уст, –
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.
87

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владею,
И я залог покорно отдаю.
Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И, значит, добровольное условие
По прихоти нарушить ты вольна.
Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня.
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.
Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.
88

Когда захочешь, охладев ко мне,
Продать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.
Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.
И буду благодарен я судьбе:
Пускай в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.
Готов я жертвой быть неправоты,
Чтоб только правой оказалась ты.
89

Скажи, что ты нашла во мне черту,
Которой вызвана твоя измена.
Ну, осуди меня за хромоту –
И буду я ходить, согнув колено.
Ты не найдешь таких обидных слов,
Чтоб оправдать внезапность охлаждения,
Как я найду. Я стать другим готов,
Чтоб дать тебе права на отчужденье.
Дерзну ли о тебе упомянуть?
Считать я буду память вероломством
И при других не выдам как-нибудь,
Что мы старинным связаны знакомством.
С самим собою буду я в борьбе:
Мне тот враждебен, кто не мил тебе!
90

Уж если ты разлюбишь, – так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!
И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром – утром без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,
Что нет невзгод, а есть одна беда –

Твоей любви лишиться навсегда.

91

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные прихоть, страсть,
Но каждому милей всего одно.

А у меня особенное счастье, –
В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь всё отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

92

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Со мной ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.

Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?

И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.

Не опасюсь я твоих измен.

Твоя измена – беспощадный нож.

О, как печальный жребий мой блажен:

Я был твоим, и ты меня убьешь.

Но счастья нет на свете без пятна.

Кто скажет мне, что ты сейчас верна?

93

Что ж, буду жить, приемля, как условие,

Что ты верна. Хоть стала ты иной,

Но тень любви нам кажется любовью.

Не сердцем – так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.

Он не таит ни скуки, ни вражды.

Есть лица, на которых преступленья

Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам:

Пусть лгут твои прекрасные уста,

Но в этом взоре, ласковом и милом,

По-прежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа

Адаму на беду сорвала Ева.

94

Кто, злом владея, зла не причинит,

Не пользуясь всей мощью этой власти,

Кто двигает других, но, как гранит,

Неколебим и не подвержен страсти, –

Тому дарует небо благодать,

Земля дары приносит дорогие.

Ему дано величьем обладать,

А чтить величье призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,

Хоть сам он по себе цветет и вянет.

Но если в нем приют нашел порок.

Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей

Растленных роз, отравленных лилей.

95

Ты украшать умеешь свой позор.

Но, как в саду незримый червячок

На розах чертит гибельный узор, –

Так и тебя пятнает твой порок.

Молва толкует про твои дела.

Догадки щедро прибавляя к ним.

Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим.
В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют!
Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.
Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавея, остроту теряет меч.

96

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.
Поддельный камень в перстне королей
Считается алмазом дорогим, –
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.
Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.
Остановись, – я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

97

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг!
За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело, –
Оставшаяся на сносях вдова.
Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, и птица не поет.
А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

98

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Всё оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.
Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.
Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.
Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

99

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.
У лилий – белизна твоей руки,
Твой темный волос – в почках майорана,
У белой розы – цвет твоей щеки,
У красной розы – твой огонь румяный.
У третьей розы – белой, точно снег,
И красной, как заря, – твое дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.
Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.

100

Где муза? Что молчат ее уста
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,
Она ничтожным славу воздает?
Пой, суетная муза, для того,
кто может оценить твою игру,
кто придает и блеск, и мастерство,
и благородство твоему перу.
Вглядись в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфой гневной заклеими грабеж.
Пока не поздно, времени быстрее
Бессмертные черты запечатлей!

101

О ветреная муза, отчего,
отвергнув правду в блеске красоты,
ты не рисуешь друга моего,
чьей доблестью прославлена и ты?
Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
что красоту не надо украшать,
что правде придавать не надо цвет
и лучшее не стоит улучшать.
Да, совершенству не нужна хвала,
но ты ни слов, ни красок не жалеи,
чтоб в славе красота пережила
свой золотом покрытый мавзолей.
Нетронутым – таким, как в наши дни,
прекрасный образ миру сохрани!

102

Люблю, – но реже говорю об этом,
люблю нежней, – но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
всю душу выставляет напоказ.
Тебя встречал я песней, как приветом,
когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
весной, но флейту забывает летом.
Ночь не лишится прелести своей,
когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
обычной став, теряет обаянье.
И я умолк, подобно соловью:
свое пропел и больше не пою.

103

У бедной музы красок больше нет,
а что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
без добавленья похвалы моей.
Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
и убедись, что выше всех похвал
стеклом отраженное чело.
Все то, что отразила эта гладь,
не передаст палитра иль резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
столь совершенный портить образец?
И мы напрасно спорить не хотим
с природой или зеркалом твоим.

104

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
тебя я встретил. Три зимы седые
трех пышных лет запорошили след.
Три нежные весны сменили цвет
на сочный плод и листья огневые,
и трижды лес был осенью раздет...

А над тобой не властвуют стихии.
На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.
И если уж закат необходим, –
Он был перед рождением твоим!

105

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.
Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.
«Прекрасный, верный, добрый» – вот слова,
Что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!
Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

106

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,
Столетиями хранимые черты –
Улыбка нежных уст, глаза и брови –
Мне говорят, что только в древнем слове
Нашлось бы всё, чем обладаешь ты.
В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами
А нам, кому ты, наконец, –
Где голос взять, чтобы звучал века?

107

Ни собственный мой страх, ни вещей взор
Вселенной всей, глядящей вдаль прилежно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась неизбежной.
Свое затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.
Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам,
Еще не просветленным, бессловесным.
В моих строках и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

108

Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?
Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву – слово в слово, –
Я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.
Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
И старость делает своим слугою.
И там ее рожденье, где молва
И время говорят: любовь мертва.

109

Меня неверным другом не зови.
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, души моей любви,
В твоей груди, как мой залог, хранится.
Ты – мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.
Пускай грехи мою сжигают кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодетелей.
Что без тебя просторный этот свет?
В нем только ты. Другого счастья нет.
110

Да, это правда: где я не бывал,
Пред кем шута не корчил площадного.
Как дешево богатство продавал
И оскорблял любовь любовью новой!
Да, это правда: правде не в упор
В глаза смотрел я, а куда-то мимо.
Но юность вновь нашел мой беглый взор, –
Блуждая, он признал тебя любимой.
Все кончено, и я не буду вновь
Искать того, что обостряет страсти,
Любовью новой проверять любовь.
Ты – божество, и весь в твоей я власти.
Вблизи небес ты мне приют найди
На этой чистой, любящей груди.
111

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.
Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!
Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья,
Не буду горечь горькою считать,
Считать неправой меру исправленья.
Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!
112

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем калёною печатью.
Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.
В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.
Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.
113

Со дня разлуки – глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на всё по-прежнему гляжу.
Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.

Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.
Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

114

Неужто я, прияв любви венец,
Как все монархи, лестью упоен?
Одно из двух: мой глаз – лукавый льстец,
Иль волшебству тобой он обучен.
Из чудищ и бесформенных вещей
Он херувимов светлых создает.
Всему, что входит в круг его лучей.
С твоим лицом он сходство придает.
Вернее первая догадка: лесть.
Известно глазу все, что я люблю,
И он умеет чашу преподнести,
Чтобы пришлась по вкусу королю.
Пусть это яд, – мой глаз искупит грех:
Он пробует отраву раньше всех!

115

О, как я лгал когда-то, говоря:
«Моя любовь не может быть сильнее».
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.
Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Колеблущих и клятвы и стремленья,
Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: «Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!»
Любовь – дитя. Я был пред ней неправ,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.
Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане,
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.
Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих, –
То нет любви и нет стихов моих!

117

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан.
Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.
Все преступленья вольности моей:
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.
Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

118

Для аппетита пряностью приправы

Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.
Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.
От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.
Но понял я: лекарства – яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

119

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.
Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?
О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.
Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.

120

То, что мой друг бывал жесток со мною,
Полезно мне. Сам испытал печаль,
Я должен гнуться под своей виною,
Коль это сердце – сердце, а не сталь.
И если я потряс обидой друга,
Как он меня, – его терзает ад,
И у меня не может быть досуга
Припоминать обид минувших яд.
Пускай та ночь печали и томленья
Напомнит мне, что чувствовал я сам,
Чтоб другу я принес для исцеленья,
Как он тогда, раскаянья бальзам.
Я всё простил, что испытал когда-то,
И ты прости, – взаимная расплата!

121

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мненье.
Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.
Я – это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера,
И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

122

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу –
Верней, чем на пергаменте и воске, –
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.
Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.
Так долго бы не сохранился воск

Твоих таблиц – подарок твой напрасный.

Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменить!

123

Не хвастай, время, властью надо мной.

Те пирамиды, что возведены

Тобою вновь, не блещут новизной.

Они – перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас не мудрено

Прельстить перелицованным старьем.

Мы верим, будто нами рождено

Все то, что мы от предков узнаем.

Цена тебе с твоим архивом грош.

Во мне и тени удивленья нет

Пред тем, что есть и было. Эту ложь

Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,

Не изменюсь тебе наперекор!

124

О, будь моя любовь – дитя удачи,

Дочь времени, рожденная без прав, –

Судьба могла бы место ей назначить

Среди цветов иль в куче сорных трав.

Но нет, мою любовь не создал случай.

Ей не сулит судьбы слепая власть

Быть жалкою рабой благополучья

И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы

Тех, кто у счастья час берет внаем.

Ее не греет луч, не губят грозы.

Она идет своим большим путем.

И этому ты, временщик, свидетель,

Чья жизнь – порок, а гибель – добродетель.

125

Что, если бы я право заслужил

Держать венец над тронном властелина

Или бессмертья камень заложил,

Не более надежный, чем руина?

Кто гонится за внешней суетой,

Теряет всё, не рассчитав расплаты,

И часто забывает вкус простой,

Избалован стряпней замысловатой.

Нет, лишь твоих даров я буду ждать.

А ты прими мой хлеб, простой и скудный.

Дается он тебе, как благодать,

В знак бескорыстной жертвы обоюдной.

Прочь, клеветник! Чем правоте трудней,

Тем менее ты властвуешь над ней!

126

Крылатый мальчик мой, несущий бремя

Часов, что нам отсчитывают время,

От убыли растешь ты, подтверждая,

Что мы любовь питаем, увядая.

Природа, разрушительница-мать,

Твой ход упорно возвращает вспять.

Она тебя хранит для праздной шутки,

Чтобы, рождая, убивать минутки.

Но бойся госпожи своей жестокой:

Коварная щадит тебя до срока.

Когда же это время истечет, –

Предъявит счет и даст тебе расчет.

127

Прекрасным не считался черный цвет,

Когда на свете красоту ценили.

Но, видно, изменился белый свет –

Прекрасное подделкой очернили.

С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Живет она безродной и бездомной.
Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, –
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.
Но так идет им черная фата,
Что красотой стала чернота.

128

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой,
Ревнивой завистью терзаюсь я.
Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, –
А не моим томящимся устам.
Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытьи.
Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы – мне!

129

Издержки духа и стыда растрата –
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.
Утолено, – влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.
Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде – радость, в испытанье – горе,
А в прошлом – сон, растаявший, как дым.
Всё это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

130

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

131

Ты прихоти полна и любишь власть,
Подобно всем красавицам надменным.
Ты знаешь, что моя слепая страсть
Тебя считает даром драгоценным.
Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слез любовного томленья, –
Я не решаюсь в спор вступить с молвой,
Но спорю с ней в своем воображеньи.
Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла, –
Не ты черна, черны твои дела!

132

Люблю твои глаза. Они меня,
Забытого, жалеют непритворно.
Отвергнутого друга хороня,
Они, как траур, носят цвет свой черный.
Поверь, что солнца блеск не так идет
Лицу седого раннего востока,
И та звезда, что вечер к нам ведет, –
Небес прозрачных западное око –
Не так лучиста и не так светла,
Как этот взор, прекрасный и прощальный.
Ах, если б ты и сердце облекла
В такой же траур, мягкий и печальный, –
Я думал бы, что красота сама
Черна, как ночь, и ярче света – тьма!

133

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.
Терзать меня тебе казалось мало, –
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.
Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга наконец.
Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерёг.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.
Мольба напрасна. Ты – моя темница,
И всё мое со мной должно томиться.

134

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложеным именем,
Чтоб только он – мое второе я –
По-прежнему служил мне утешеньем.
Но он не хочет и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.
Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.
Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратить не мог!

135[1]

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.
Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?
Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники-дожди, –
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.
Недобрым «нет» не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

136

Твоя душа противится свиданьям,
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
А воле есть в любой душе приют.
Она твоей любви наполнит недра

Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число один – не более чем ноль.
Пусть я ничто во множестве несметном,
Но для тебя останусь я одним.
Считай меня ничтожным, незаметным,
Считай ничем, но чем-то дорогим.
Ты полюби сперва мое прозвание,
Тогда меня полюбишь. Я – желанье!
137

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.
И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, –
Зачем ему ты не даешь свободы?
Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но всё, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.
Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.
138

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.
Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.
Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.
Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!
139

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.
Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд – разящий меч,
И нет брони на любящей груди.
Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статья, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.
О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня, – я смерти буду рад.
140

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страданья, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.
Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимой любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.
Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.
Чтоб избежать позорного клейма,

Криви душой, а с виду будь пряма!

141

Мои глаза в тебя не влюблены, –
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Мой слух твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.
И всё же внешним чувствам не дано –
Ни всем пяти, ни каждому отдельно –
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.
В своем несчастье одному я рад,
Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.

142

Любовь – мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но, наши преступления сравнив,
Моей любви не бросишь ты упрека.
Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменой, ложью, клятвою лукавой.
Грешнее ли моя любовь твоей?
Пусть я люблю тебя, а ты – другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.
А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

143

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,
И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.
Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.
Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

144

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.
Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.
Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья – друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.
Но там ли он, – об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.

145

Я ненавижу, – вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гнев. Но едва
Она заметила мой страх, –
Как придержала язычок,
Который мне до этих пор

Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.
«Я ненавижу», – присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.
«Я ненавижу», – но тотчас
Она добавила: «Не вас!»

146

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.
Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?
Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.
Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

147

Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жадой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.
Мой разум-врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.
Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.
И долго мне, лишённому ума,
Казался раем ад, а светом – тьма!

148

О, как любовь мой изменила глаз!
Расходится с действительностью зренье.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явленья?
Коль хорошо, что нравится глазам,
То как же мир со мною несогласен?
А если нет, – признать я должен сам,
Что взор любви неверен и неясен.
Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока все небо не омоют грозы.
Любовь хитра, – нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

149

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?
Вступал ли я в союз с твоим врагом?
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?
Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором унижение?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор – ресниц твоих движенье.
В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих, – я ослеп давно.

150

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,
Клянусь им, что не светел свет дневной.
Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая черные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.
Всё, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.
Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

151

Не знает юность совести упреков,
Как и любовь, хоть совесть – дочь любви.
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.
Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю.
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.
При имени твоём она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей,
Чтобы упасть у ног её опять.
Кто знал в любви паденья и подъёмы,
Тому глубины совести знакомы.

152

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.
Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.
Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.
Я клялся: ты правдива и чиста, –
И черной ложью осквернил уста.

153

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студёный.
Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.
А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!
Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд – огонь её очей.

154

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.
Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула голову,

Обезоружив дремлющего бога.
Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.
Любовь нагрела воду, – но вода
Любви не охлаждала никогда.
Конь (из поэмы «Венера и Адонис»)
Прислушайся, – из ближнего леска
Испанская кобыла молодая,
Почуяв жеребца издалека,
Его зовет, тревожно ожидая.
И, с привязи сорвавшись, наконец,
К ней скачет, шею выгнув, жеребец.
Он величаво мчится, он летит,
Как в приступе безудержного гнева,
И гулко под ударами копыт
Гудит земли разбуженное чрево.
Грызет железо он своих удил,
Тем овладев, чему подвластен был.
Он поднял уши. Нисходя к хребту,
Вздывается дорожка гривы черной,
Ноздрями воздух пьет он на лету.
Пар из ноздрей выходит, как из горна.
Недаром око темное коня
Сверкает ярким отблеском огня.
То рысью он идет, шаги считая,
Спокойно горд и скромно величав,
То скоком скачет, над землей взлетая,
Плывет, по ветру тело распластав,
Чтоб гневной красотой своей и силой
Похвастаться перед подругой милой.
Ему и дела нет до ездока,
Кричащего вослед: «Постой! Куда ты?»
Забыл он шпоры, жгущие бока,
Забыл о сбруе, яркой и богатой,
Он слышит только собственную кровь,
Он видит пред собой свою любовь.
Как если бы, искусству дав свободу,
Писал коня художник на холсте,
Стремясь живую превзойти природу
И в живости самой, и в красоте, –
Так этот конь превосходил любого
Осанкой, статью, красотой суровой.
Крутая холка, ясный, полный глаз,
Сухие ноги, круглые копыта,
Густые щетки, кожа, как атлас,
А ноздри ветру широко открыты.
Грудь широка, а голова мала, –
Таким его природа создала.
Ничто косоного не избегнет взора,
Касанье перышка его вспугнет.
Приказывая ветру быть опорой,
Пускается он в бег или в полет.
Сквозь волосы хвоста его и гривы
Поет и свищет ветер шаловливый.
Он выражает радость в звонком ржанье,
Отзывный голос подает она.
Но – женщина – в ответ на обожанье
Она лукавит, гордости полна,
И отвечает страсти, столь открытой,
Упрямыми ударами копыта.
Он роет землю в гневе, ловит ртом
Слепней несчастных. Весь покрыт он мылом.
И бедра охлаждает он хвостом,
Разгоряченные любовным пылом.
Но вот гордячка, друга пожалев,
Его безмерный умеряет гнев.

А тут хозяин, подоспев, стремится
Взять под уздцы горячего коня.
В испуге к лесу скачет кобылица,
За нею – конь, уздечкою звеня.
И оба обгоняют по дороге
Ворон, летящих тучею в тревоге..
Песня о рогах (Из комедии «Как вам это понравится»)
Есть у охотников обычай –
Рога и шкуру, как добычу,
Нести домой.

Хоть дорога оленья кожа,
Рога оленьи нам дороже:
Так не стыдись носить рога.
Нам эта память дорога!
Крутого рога острый серп –
Твоей семьи старинный герб.
От поколенья поколенья
Рога наследует оленьи.
Так не стыдись носить рога –
Нам эта память дорога!
Песня Балтазара (Из комедии «Много шума из ничего»)
Что толку, леди, в жалобе?

Мужчины – шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу другая.
Что с них возьмешь?
Слова их – ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!
Зачем вам плакать? Лучше петь.
Весной грустить не велено.
Мужчины женщин ловят в сеть
С тех пор, как весны зелены.
Что с них возьмешь?

Слова – их ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!
Песенка из «Зимней сказки»
Веди нас, дорожка, вперед и вперед,
Начала тебе и конца нет.
Веселое сердце идет и поет,
Печальное – скоро устанет.
Песни Офелии (из трагедии «Гамлет»)

1
Как в толпе его найдем –
Твоего дружка?
Шляпа странника на нем,
А в руках клюка.
Он угас и умер, леди,
Он могилой взят.
В головах – бугор зеленый,
Камень – возле пят.
Бел твой саван, друг мой милый.
Сколько белых роз
В эту раннюю могилу
Ливень слез унес.

2
В день святого Валентина,
В первом свете дня
Ты своею Валентиной
Назови меня.
Тихо ввел он на рассвете
Девушку в свой дом –
Ту, что девушкой вовеки
Не была потом.

3

Позор и грех! У них у всех
Нет ни на грош стыда:
Свое возьмут, потом уйдут,
А девушкам беда.
– Ты мне жениться обещал,
Меня лишая чести.
– Клянусь, я слово бы сдержал,
Да мы уж спали вместе!
Песни шута (из трагедии «Король лир»)[2]

1

Показывай
Меньше того, что имеешь.
Рассказывай
Меньше, чем сам разумеешь.
Где можно проехать,
Не странствуй пешком.
Чем деньги одалживать,
Будь должником.
Играй, но только помни меру,
Учись, а не бери на веру.
Забудь и кружку, и подружку,
Храни под спудом каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто – сотню наживешь!

2

Вскормил кукушку воробей –
Бездомного
Птенца, –
А тот возьми да и убей
Приемного
Отца!

3

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.
Но шут с тобой – твой верный шут! –
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!

4

Отцов сановных и богатых
Ласкают дочки и зятья.
А у кого штаны в заплатах, –
Того не жалует семья!
Фортуна – жалкая блудница:
Она с голодным не ложится.

5

Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам, –
Он будет мне под стать.
Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один – в дурацком колпаке,
Другой – без колпака!

Песни шута (из комедии «Двенадцатая ночь»)

1

Поспешి, смерть, поспеши.
Я устал от любовных обид.
Не дыши, моя грудь, не дыши.
Я жестокой подругой убит.
Пусть в последний приют мой земной
Ветви тиса положат.
Разделить мою участь со мной
Самый преданный друг не может.
Пусть ни белых лилий, ни роз
Не оставят друзья на погосте.

Пусть никто не роняет слез
На мои неподвижные кости.
Пусть могилу трава-лебедя
От прохожего спрячет...
И любовник весной никогда
Надо мной не заплачет.

2

Когда еще был я зелен и мал, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Любую проделку я шуткой считал,
А дождь себе льет да льет.
Я вырос, ничуть не набравшись ума, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
На ключ от бродяг запирают дома,
А дождь себе льет да льет.
Потом я, как все, обзавелся женой. –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Ей не было сытно и сухо со мной,
А дождь себе льет да льет.
Хоть годы меня уложили в постель, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождик все льет да льет.
Пусть мир существует бог весть как давно, –
Чтоб дождь его мог поливать, –
Не все ли равно? Представленья дано,
А завтра начнется опять!
Надгробный плач

Правда с юной красотой,
С прелестью, такой простой,
Спят во прахе под плитой.
Вечною покоя дом
Стал для голубя гнездом.
Спит с подругой он вдвоем.
Легок был земной им груз.
Нет плодов их брачных уз.
Девственным был их союз.
Будет правда, да не та,
И не та уж красота.
На любовь легла плита.
Тот, в ком дух высокий жив,
Кто красив и кто правдив,
Плачь, колена преклонив.
Помолись, склонившись ниц
Пред чистойшей из гробниц,
Пред гнездом умолкших птиц.

ИЗ ДЖОНА МИЛТОНА

О слепоте (сонет)

Когда подумаю, что свет погас
В моих глазах среди пути земного
И что талант, скрывающийся в нас,
Дарован мне напрасно, хоть готова
Душа служить творцу и в должный час
Отдать отчет, не утаив ни слова, –
«Как требовать труда, лишая глаз?» –
Я вопрошаю. Но в ответ сурово
Терпенье мне твердит: – Не просит бог
Людских трудов. Он властвует над всеми.
Служа ему, по тысячам дорог
Мы все спешим, влача земное бремя.
Но, может быть, не меньше служит тот
Высокой воле, кто стоит и ждет.
О Шекспире
Нуждается ль, покинув этот мир,
В труде каменотесов мой Шекспир,
Чтоб в пирамиде, к звездам обращенной,
Таился прах, веками освященный?

Наследник славы, для грядущих дней
Не просишь ты свидетельства камней.
Ты памятник у каждого из нас
Воздвиг в душе, которую потряс.
К позору нерадивого искусства
Твои стихи текут, волнуя чувства,
И в памяти у нас из книг твоих
Оттиснут навсегда дельфийский стих.
Воображенье наше до конца
Пленив и в мрамор превратив сердца,
Ты в них покоишься. Все короли
Такую честь бы жизни предпочли.

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Честная бедность
Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство –

Штамп на золотом,

А золотой –

Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.

Кто честным кормится трудом, –
Таких зову я знатью.

Вот этот шут – природный лорд.

Ему должны мы кланяться.

Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,

При всем при том,

Хоть весь он в позументах, –

Бревно останется бревном

И в орденах, и в лентах!

Король лакея своего

Назначит генералом,

Но он не может никого

Назначить честным малым.

При всем при том,

При всем при том,

Награды, лесть

И прочее

Не заменяют

Ум и честь

И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,

Когда уму и чести

На всей земле придет черед

Стоять на первом месте.

При всем при том,

При всем при том,

Могу вам предсказать я,

что будет день,

когда кругом

Все люди станут братья!

Джон Ячменное Зерно

Трех королей разгневал он,

И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.
Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.
Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.
Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.
Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.
Настало время помирать –
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.
Его подрезал острый нож,
Свалил беднягу с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.
Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.
Он был в колодезь погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!
Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.
Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.
Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, –
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.
Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет.
Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!
В горах мое сердце
В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.
Прощай, моя родина! Север, прощай, –
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!
Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!
Застольная («Забывать ли старую любовь...»)
Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней? Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?
За дружбу старую –
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.
Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.
За дружбу старую –
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина –
За счастье юных дней.
С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.
Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...
И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука – в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!
За дружбу старую –
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.
Был честный фермер мой отец
Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее – чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!
Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть, – пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.
И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я подбит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.
В конце концов я был готов
Оставить попеченье.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:

В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час – в руках у нас.
Владей же настоящим!
Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это все, что мой отец
Оставил мне в наследство.
Так и живу – в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!
Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает
Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть, –
И то уж это благо!
Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И все же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!
О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед – к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, –
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!
Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом
Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
За жизнь свою?
Не трусь – тебя своей лопаткой
Я не убью.
Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в ссоре
И всем живым несет он горе,
Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
Вернемся в прах.
Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею, –
Была бы рожь!
Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не из чего снова
Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного

Укрыться в нем.
Всё голо, всё мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.
Травы, листвы увядшей ком –
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?
Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...
Но ты, дружок, счастливей нас.
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.
Дерево свободы
Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.
Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится, –
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.
Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек – не скот, брат.
Его вкусить холопу дай, –
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.
Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.
Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он – яд:
Он сводит их в могилу!
Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.
Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.
Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.
У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!
Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,

Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.
Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось –
Жалели, что пошли, брат!
Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.
Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.
Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь – тоже.
И ты на шутики был не скуп,
Когда ты был моложе.
Богатым лесом ты одет –
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!
А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.
Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.
Но верю я: настанет день, –
И он не за горами, –
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.
Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!
Брюс – шотландцам
Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, –
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.
Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет –
Цепи и оковы.
Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.
Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!
Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.
Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!
Шотландская слава
Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчизны величавой!

Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится, –
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.
Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.
Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.
Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.
Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!
Макферсон перед казнью
Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.
– Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.
В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней –
Не дрогну и сейчас!
Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков, –
Я одолею всех.
Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.
И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.
Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть.
Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.
Маленькая баллада
Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.
Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.
За морями, за холмами –
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.
Это сердце трепетало

Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою.
Возвращение солдата
Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Отцов ребята лишены,
И горько плачут вдовы.
Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.
Шагал я с легким багажом,
Счастливым и свободным.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.
Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.
Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.
Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, –
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.
С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой, – и сам не знаю.
Потом сказал я: «Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!
Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?»
На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
«Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..
Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!»
И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: «Это ты?»
Потом сказала: «Вилли!..»
«Да, это я, моя любовь,
А ты – моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.
Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты мой клад бесценный!»
Она сказала: «Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!»

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь – удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.
Джон Андерсон
Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.
Теперь ты снегом убелен,
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг.
Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.
Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг.
Горной маргаритке, которую я примял своим плугом
О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.
Не жаворонок полевой –
Сосед, земляк, приятель твой –
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.
Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.
В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден среди нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!
Одетый в будничные наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.
Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.
Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает низменных сердец –
Подводных скал –
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.
Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, –
Тем свет не мил.

И человек на дно идет
Лишенный сил.
И ты, виновник этих строк,
Держись, – конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок –
Нужда, недуг, –
Как на весенний стебелек
Наехал плуг
* * *

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.
Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край –
И зашумит листва.
Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.
Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна!

Любовь
Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя – как песенка,
С которой в путь иду.
Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.
Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит..
Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!
Конец лета

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, –
Предвестье урожая, –
И лес ночной, где под луной
я о тебе скучаю.
Вальдшнепы любят тихий лес,
Вьюрки – кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник – приют
Веселой коноплянки.
У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой – в уединенье.
Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох..
А ведь такой кругом покой.

Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.
Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной – листве лесной,
Как осень – урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

* * *

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.
Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь.
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.
Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то, –
Что с него возьмешь?
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.
А если му́ка суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.
Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, –
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.
И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.
Поцелуй
Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег –
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.
Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.
Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..

Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

Песня

Нынче здесь, завтра там – беспокойный Вилли.

Нынче здесь, завтра там, да и след простыл!

Воротись поскорей, мой любимый Вилли,

И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.

Провожала тебя я в далекий путь.

Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,

Лето – в поле и лес, ты – ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.

Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.

Успокойтесь, валы, опустите гребни

И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,

Пусть грохочут валы сутки напролет.

Не дождусь корабля и сойду в могилу,

Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там – беспокойный Вилли,

Нынче здесь, завтра там, да и след простыл.

Воротись поскорей, мой любимый Вилли,

Воротись ты ко мне тем же, что и был!

* * *

Скалистые горы, где спят облака,

Где в юности ранней резвится река,

Где в поисках корма сквозь вереск густой

Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,

Чем берег морской и зеленый простор,

Милей оттого, что в горах у ручья

Живет моя радость, забота моя.

Она не прекрасна, но многих милей.

Я знаю, приданого мало за ней,

Но я полюбил ее с первого дня

За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит

Пред блеском очей и румянцем ланит?

А если ума ей прибавить чуть-чуть,

Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз

Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.

И в крепких объятьях волнует мне кровь

Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

* * *

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать,

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать.

Пусть будут браниться отец мой и мать,

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.

Найди ты лазейку в садовой стене,

Найди три ступеньки в саду при луне.

Иди, но как будто идешь не ко мне,

Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:

С подружкой моей, не со мной говори,

Украдкой мне ласковый взгляд подари,

А больше – смотри! – на меня не смотри,

А больше – смотри! – на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,

Что нет тебе дела совсем до меня.

Но, даже шутя, берегись, как огня,

Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,

И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать,

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать.

Пусть будут браниться отец мой и мать,

Ты свистни – тебя не заставлю я ждать!

Ночлег в пути
Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.
По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.
Я низко поклонился ей –
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.
Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.
Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: – Нельзя ль
Еще подушку принести?
Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.
В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
– Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!
Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.
А грудь ее была кругла, –
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.
Я целовал ее в уста –
Ту, что постлала мне постель, –
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.
Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.
Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
– Ах, погубили вы меня! –
Сказала мне моя любовь.
Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: – Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!
Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне.
Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Босая девушка
Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!
Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.
Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.
Моему незаконнорожденному ребенку
Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
Боясь упрека
Или неправого суда
Молвы жестокой.
Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
Любви награда,
Хоть ты, по мненью всех церквей, –
Исчадье ада.
Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи, –
Должны от скуки языком
Молоть старухи!
И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный.
В твоем рожденье виноват
Я безусловно.
Ты – память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
И ужин будем.
Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
Забот не зная.
Пусть я нуждаться буду сам,
На я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.
Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
Нельзя, конечно!

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил –

Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!
Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечною покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

Робин

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.

Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек –
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
– Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам – бог его прости! –
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек –
Резвый, шустрый Робин!

Финдлей

– Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я – Финдлей!»

– Ступай домой. Все спят у нас!

«Не все!» – сказал Финдлей.

– Как ты прийти ко мне посмел?

«Посмел», – сказал Финдлей.

– Небось наделаешь ты дел...

«Могу!» – сказал Финдлей.

– Тебе калитку отвори...

«А ну!» – сказал Финдлей.

– Ты спать не дашь мне до зари!

«Не дам!» – сказал Финдлей.

– Попробуй в дом тебя впустить...

«Впусти!» – сказал Финдлей.

– Всю ночь ты можешь прогостить.

«Всю ночь!» – сказал Финдлей.

– С тобою ночь одну побудь...

«Побудь!» – сказал Финдлей.

– Ко мне опять найдешь ты путь.

«Найду!» – сказал Финдлей.

– О том, что буду я с тобой...

«Со мной!» – сказал Финдлей.

– Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» – сказал Финдлей.
Подруга угольщика
– Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
– Живу везде – и там и тут,
За угольщиком следую!
– Вот эти нивы и леса
И все, чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!
Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрепья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!
– Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я – так и знай! –
От угольщика черного.
Мы днем развозим уголек.
Зато порой noctную
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик – со мною.
У нас любовь – любви цена.
А дом наш – мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!
Счастливым вдовец
В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.
Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.
Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда – мне неизвестно.
Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!
Я совершил над ней обряд –
Похоронил достойно.
Боюсь, что чорт не принял в ад
Моей жены покойной.
Она, я думаю, в раю:
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!
* * *
Всю землю тьмой заволкло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам – луна,
А солнце – чарочка вина.
Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!
Богатым – праздник целый год
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь.
Кто пьян, тот сам себе король!
Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка

И дай еще вина!

Святой источник – мой стакан:

Он лечит от сердечных ран.

Ловлю я радости в вине,

Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,

Хозяйка, хозяйка!

Стаканы сосчитай-ка

И дай еще вина!

Заздравный тост

У которых есть, что есть, – те подчас не могут есть,

А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, –

Значит, нам благодарить остается небо!

Кузнецу

Устал в полете конь Пегас,

Скакун крылатый Феба,

И должен был на краткий час

Сойти на землю с неба.

Крылатый конь – плохой ходок!

Скользя по мерзлым склонам,

Он захромал и сбился с ног

Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти

И жеребца хромого

К Вулкану в кузницу вести,

Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,

Работая до пота.

И заплатил ему певец

Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,

Твой труд ценю я выше.

Не подкуешь ли мне коня

За пять четверостиший?

* * *

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?

Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?

За шиллинги, пенни загублена Дженни,

Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.

В груди его холод, в руках его лед.

Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.

Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,

Друзей сторонится – такой нелюдим!

Ко всем он ревнует жену молодую.

В худую минуту я встретила с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти, –

Она мне дала драгоценный совет.

Во всем старикану перечить я стану,

Пока он не лопнет на старости лет!

* * *

Наш Вилли пива наварил

И нас двоих позвал на пир.

Таких счастливых молодцов

Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,

А так, под муху, чуть-чуть.

Пусть день встает, петух поет,

А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.

Один бочонок – трое нас.

Не раз встречались мы втроем

И встретимся еще не раз.

Что это – старая луна

Мигает нам из-за ветвей?

Она плывет, домой зовет...

Нет, подождать придется ей!
Последний, тот из нас, друзья,
Кто первым ступит за порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!

* * *

Со скрипкой чорт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: – В добрый час!
Он не вернется сызнова!
Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, чорт, любезный чорт, –
К нам не придет акцизный!
Есть пляски разные у нас
В горах моей отчизны,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!
Ода к зубной боли
Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.
Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке.
А эта боль – предмет острот
И праздной шутки!
Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
В аду щекочат!
Всегда жила со мной беда –
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
Подобной пытки!
И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
(в том нет сомнений!),
Ты будешь первою в ряду
Моих мучений.
О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволие,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!
Песня
Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.
Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.
Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.

Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.
Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья –
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я.
Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже.
Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

Пастух

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.
Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, –
Стадо гнал мой милый.
– Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.
– Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
За этот вечер краткий!
– Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.
– Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.
Но он ответил мне: – Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!

Гнал он коз

Под откос.

Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, –
Стадо гнал мой милый.

Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника

Ты славной клячею была,
И вот узнал я с грустью,
Что по реке ты поплыла
И доплыла до устья.
Кобылой доброй ты слыла,
Когда была моложе.
А нынче к морю уплыла,
Оставив людям кожу.
Ты от хозяина-попа
Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
И угодила к рыбам.
Давно, покорная судьбе,
Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
Духовное сословье!

Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы
Куда ты, низкое создание?

Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
А высший свет –
Тебе не место: пропитанья
Тебе здесь нет.
Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
Беги туда,
Где голод, ходод и зараза
Царят всегда.
Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
Где борона
Из гладкой кости или рога
Вам не страшна.
А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной, –
Тебе бы спрятаться, негодной,
В шелка, в цветы.
Но нет, на купол шляпки модной
Залезла ты!
На всех вокруг ты смотришь смело, –
Как будто ты – крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.
Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет.
И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят.
Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны, –
О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!
Сватовство Дункана Грэя
Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он.
Вот это сватовство!
Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!
Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги будто бы глуха –
Не слышит ничего.
Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!
Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила –
Вот это сватовство!
– Я, – говорит, – не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! –
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!

Она больна, а он здоров,
Вот это сватовство!
Что злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!
Был добрый парень – Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!
Не мог он грех на совесть взять –
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это – сватовство!
Шела О'Нил
Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шела О'нил!»
Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'нил.
Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил –
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'нил!
У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины – Шелы О'нил!
Тэм Глен
Ах, тетя, совета прошу я!
Пропала, попала я в плен.
Обидеть родню не хочу я,
Но всех мне милее Тэм Глен.
С таким молодцом мне не надо
Бояться судьбы перемен.
Я буду и бедности рада, –
Лишь был бы со мною Тэм Глен.
Наш лорд мне кивает: «Плутовка!..»
Ну что тебе, старый ты хрен?
Небось ты не спляшешь так ловко,
Как пляшет под скрипки Тэм Глен.
Мне мать говорила сердито:
– Мужских опасайся измен.
Повесе скорей откажи ты! –
Но разве изменит Тэм Глен?
Сулит за отказ мне сто марок
Отец, да не знает он цен!
Сто марок – богатый подарок,
Но много дороже Тэм Глен!
Я в день Валентина гадала.
О, как же мой жребий блажен!
Три раза я жребий кидала,
И вышло три раза: Тэм Глен.
Под праздник осенний я тоже
Гадала. И вижу: вдоль стен
Идет – до чего же похожий! –
В штанах своих серых Тэм Глен.
Кто ж, тетя, возьмет меня замуж?

Ты мне погадай, а взамен
Я черную курицу дам уж, –
Но только скажи, что Тэм Глен!
Я пью твое здоровье!
Прощай, красавица моя.
Я пью твое здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.
Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.
Ты говоришь: – Вступать мне в брак
Покуда неохота. –
А я скажу: – Я не дурак,
И ждать мне нет расчета.
Я знаю, ждет твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалуется меня.
Ну, дай вам бог удачи!
Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком,
При мне моя свобода.
Башка и руки – вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, – сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!
Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.
Прощай, мой друг. Я уйду,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твое окошко.
Старый Роб Моррис
Вот старый Роб Моррис. А кто он таков?
Король за столом, старшина стариков.
Он славится стадом коров и свиней
И дочкой – отрадой своей и моей.
Прекрасней, чем утро в сиянии рос,
Свежей, чем закат на лугах в сенокос,
Она, как ягненок, резва и нежна.
Мне света дневного дороже она.
Но садом и стадом отец ее горд.
В усадьбе живет он не хуже, чем лорд.
У нас же с отцом только домик и двор.
Немногого стоит такой ухажер.
Забрезжит ли утро, – не мил мне рассвет.
Настанет ли вечер, – покоя мне нет.
Смертельную рану от всех я таю,
И жалобы грудь разрывают мою.
Была бы невеста чуть-чуть победней,
Я мог бы, пожалуй, посвататься к ней.
Как жадно я ждал бы заветного дня.
А жить без надежды нет сил у меня!
Любовь и бедность
Любовь и бедность навсегда
Меня поймали в сети.
По мне, и бедность не беда,
Не будь любви на свете.
Зачем разлучница-судьба –
Всегда любви помеха?
И почему любовь – раба
Достатка и успеха?
Богатство, честь в конце концов
Приносят мало счастья.

И жаль мне трусов и глупцов,
Что их покорны власти.
Твои глаза горят в ответ,
Когда теряю ум я,
А на устах твоих совет
Хранить благоразумье.
Но как же мне его хранить,
Когда с тобой мы рядом?
Но как же мне его хранить,
С тобой встречаясь взглядом?
На свете счастлив тот бедняк
С его простой любовью,
Кто не завидует никак
Богатому сословью.
Ах, почему жестокий рок –
Всегда любви помеха
И не цветет любви цветок
Без славы и успеха?
Когда кончался сенокос
Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной.
Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела,
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.
Сказала Бэсси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
– Идти я замуж собралась.
– Ну что ж, худого в этом нет.
Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать – время есть –
Себе усадьбу хоть куда!
Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень – клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.
– Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, –
Зачем любить ему жену!
Мне Робин по сердцу давно,
И знаю: я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!
– Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильней руки пустой.
Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!
– О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!
Пусть мой удел – убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев, –
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.
Мое счастье
Доволен я малым, а большому рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком –
Пускай они к чорту летят кувырком.

В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь – это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный – беспечный мой нрав,
И всем королям не лишить меня прав.
Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями – и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!
Возиться ли с клячей – судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
«Войдите! – скажу я, – авось проживем!»
Ответ на письмо
Сударыня,

Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек,
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.
В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою,
И юную подругу.
И шуткой,
Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы.
Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(пускай они и слабы!),
Народу пользу принести –
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!
Я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.
Пусть родом,
Доходом.
Гордится знатный лорд, –
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.
Я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрестанно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад нежданный.
Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.
Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.
Да здравствует прекрасный пол!
Когда трещит от пляски пол
Во время зимней вьюги,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдает

Мы видим ясный небосвод
В глазах своей подруги.
Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.
Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!
Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским – вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлев,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.
Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед.
Я в нем приятней музам.
Простой наряд страны моей, –
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.
Прощайте!
Не знайте
Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!
За тех, кто далёко
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.
Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.
Свободе – привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.
Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.
За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом!
Сон (отрывок)
За речи, мысли и дела карает нас закон,

Но не карает никого за вольнодумный сон.

Прочитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие:

Прошу, примите, государь,
Привет ко дню рожденья,
Как принимали вы и встарь
Поэтов поздравленья.
В кругу вельмож поэт-плугарь
Престранное явленье.
Но, заглянув в свой календарь,
Спешу к вам в этот день я,
В столь славный день.
Сияют яркие огни.
Теснится знать в приемной.
И «Боже, короля храни!»
Твердят кукушки томно.
Стихами славит ваши дни
Поэтов хор наемный,
Припомнив доблести одни,
Не видя тени темной
В столь светлый день.
Но льстивых од я не припас,
Обычных в этом зале.
К тому ж я не в долгу у вас:
Мне пенсий не давали.
Сказать могу я без прикрас
И ошибусь едва ли,
Что были хуже вас у нас
И лучшие бывали
В минувший день.
Пускай не звучно, не красно
Мое простое слово,
Но с правдой спорить мудрено.
Она всегда сурова.
Гнездо у вас разорено,
Его мы чиним снова,
А что в гнезде сохранено,
Есть только треть бывшего.
На этот день.
Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб наш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлев мести должны,
А не страну править
В столь трудный день!
Вы дали мир нам наконец.
Мы чиним руки, ноги.
Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.
Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
В печальный день.
Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито.
Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но чорт возьми! Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
В столь грозный день.
Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью

Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат, хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья, –
Он королеве шлет привет,
А также поздравленья
В столь славный день!..
Строчки о войне и любви
Прикрытый лаврами разбой,
И сухопутный и морской
Не стоит славословья.
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.
Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!
К Тибби
О Тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.
Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на чорта нужен твой
Презрительный поклон!
Ты думала наверняка
Пленишь мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!
Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.
Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, – какой в нем прок,
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!
Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.
Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.
С одной я девушкой знаком.
Ее и в платье простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!
Новогодний привет (Старый фермер – своей старой лошади)
Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошадью горячей
И рысью шла.
Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!
Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой

Любую брали мы канаву,
Подъем любой.
Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал – скажу по чести –
Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
Я поминал.
Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
Трусилась вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.
Я помню день, когда, танцуя
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!
Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде чья могла лошадка
Тебя догнать?
Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
– Куда ты? Стой!
Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, –
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.
Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.
Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.
Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.
Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут,
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.
Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою
Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу –
И для тебя овса немного
Приберегу.
С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лежа
В последний путь.
Белая куропатка
Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока, наконец, куропатку нашли.
Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее в лёт,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.
Сметет она с вереска росы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.
С ней феб восходящий поспорить хотел,
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.
Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж, наконец, куропатку нашли,
Она только – фрр... и пропала вдали!
Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто целится в лёт,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.
О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня
Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твое разбойничье искусство!
Пускай твоей душе, лишенной чувства,
Не будет утешения вовек.
А ты, кочевник роц, полей, лугов,
Где проведешь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждет родной зеленый кров.
Калека жалкий, где-нибудь в тиши,
Среди заросшей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадешь к земле кровавой раной.
Не раз, встречая над рекою Нит
Рассвет веселый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И прокляну того, кем ты убит!
Сова
О птица ночи! Жалобу свою
Ты изливаешь в полночь скорбным стоном –
Не оттого ль, что в северном краю
Родится холод – смерть росткам зеленым?
Не оттого ль, что, облетев, листва
Тебя лишит укромого навеса?
Иль зимних бурь страшишься ты, сова,
Ночной тоски безжизненного леса?
Твой стон летит в неслышащую тьму.
Всегда одна, зловеща и угрюма,
Ты не вверяешь в мире никому

Своих тревог, своей бессонной думы.
Пой, плакальщица ночи! Для меня
Твой грустный голос – тайная утеха.
В полночной тьме без звука и огня
Твои стенанья продолжает эхо.
Неужто лик земли не так красив,
Когда природа плачет в час ненастья?
Бедней ли сердце, горе пережив,
И от участия меньше ль наше счастье?
Нет, одинокий стон из тишины
Мне по сердцу, хоть он рожден тоскою.
Он не похож на голоса весны,
На летний щебет счастья и покоя.
Пусть днем не слышно песен из гнезда
И самый день заметно стал короче,
Умолкла трель вечерняя дрозда, –
Ты в сумраке не спишь, певица ночи.
С высокой башни где-нибудь в глуши,
Где ты ютишься в тайном закоулке,
Где лес и стены древние в тиши
На каждый звук рождают отклик гулкий, –
Твой хриплый голос для меня звучит,
Как трели соловья чете влюбленной.
Так ловит тот, кто всеми позабыт,
Унылый отзвук песни отдаленной.

Послание к собрату-поэту

1

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь, –
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.
Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы, –
Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.
Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

2

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.
Но, Дэви, парень, что роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.
Мы с горем
Поспорим.
Нам старость – нипочем!
Да и нужда
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

3

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь, –
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.
Кто сердцем чист, душою прям

И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.
Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

4

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.
Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.
На склонах
Зелёных
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

5

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.
Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.
Успехи,
Утехи
Не стоят ни гроша.
Ты прав иль нет, –
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

6

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Несчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас –
Простой, честной народ?
Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних – тяжелый труд,
Удел других – разврат.
В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чортов ад
Не веруют они.

7

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.
Пускай беда нам тяжела,

Но в ней ты узнаёшь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.
Напасти,
Несчастья –
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

8

Собрать мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобрести.
Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду Мэг зовут,
А Джин – зовут мою.

Довольно
Невольню

Мне вспомнить имя Джин, –
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

9

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.
Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигает грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.
В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

10

Моя награда из наград –
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.
Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.
Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где Джин – моя
Любимая –
И Дэви – друг-поэт.

11

Назвал я Джин, и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,
Как будто феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.
И пусть хромает мой Пегас,

Слегка его пришпорь, –
Пойдет он рысью, вскачь и в пляс,
Забыв и лень и хворь.
Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.
Мэгги с мельницы
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.
Был мельник хорош и в труде, и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.
Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.
Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое – важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!
Свадьба Мэгги
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался
В то время, как суженый с Мэгги венчался.
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье.
Молитва святоши Вилли
О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад –
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.
Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.
Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет –
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.
Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево –
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
Караю грех
И благочестия примером
Служу для всех.
Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
Подняв галдеж.
Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вождельня
Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
Создал господь!
Вчера я был у Мэгги милой...
Господь, спаси нас и помилуй
И осени свою силой!..
Я виноват,
Но пусть о том, что с нами было
Не говорят.
Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
Гостил тайком.
Но я в тот день, как говорится,
Был под хмельком.
Но, может, страсти плоти бренной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
Терпеть готов!
Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
Кто без конца
Дает нам клички, строит рожи,
Забыв творца.
К таким причислить многих можно...
Вот Гамильтон – шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
Он совратил.
Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
С толпой друзей, –
Господь, сгнои его картошку
И сельдерей!
Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)
Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
В своих речах!
Вот Эйкен. Он – речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нещадно бьет,
Что в жар и в ходод нас бросало,
Вгоняло в пот.
Для нас же – чад твоих смиренных –
Ты не жалея своих бесценных

Даров – и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!
Надгробное слово ему же
Святого Вилли жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах –
Пошел налево Вилли.
Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?
А, понимаю: это чорт
С девятихвостой плеткой.
Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?
Я знаю, жалость вам чужда.
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощенный.
Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!
Жалоба реки Бруар владельцу земли, по которой она протекает

1

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.
Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

2

Живая быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,
Барахтаться в болоте.
Увы, ничем я не могу
Помочь своей форели.
Она лежит на берегу
И дышит еле-еле.

3

Я пролила немало слез
И пенилась от злости,
Когда какой-то бес принес
Поэта Бернса в гости.
Он написал мне пару строк,
А сочинил бы оду,
Когда увидел бы у ног
Бушующую воду!

4

Давно ли я у грозных скал
Бурлила и ревела,
И водопад мой бушевал,
Вскипая пеной белой!
В те дни была я глубока,
Гордилась буйной силой,
И молодежь издалека
На берег приходила...

5

Прошу, припав к твоим ногам,
Во имя прежней славы
Ты насади по берегам
Кусты, деревья, травы.
Когда придешь под сень ветвей,

Плеснет, играя, рыба
и благодарный соловей
Тебе споет: спасибо!

6

И жаворонок в вышине
Зальется чистой трелью,
и отзовется в тишине
Щегол своей свирелью.
И зазвенят у теплых гнезд,
Проснувшись спозаранку,
Малиновка и черный дрозд,
Скворец и коноплянка.

7

Они от бурь покров найдут
в разросшихся дубравах.
И заяц-трус найдет приют
в моих кустах и травах.
Пускай прохожего ольха
манит своей прохладой,
А дуб укроет пастуха
от ливня и от града.

8

Ко мне влюбленные весной
Придут на берег тайно
и встретятся в тиши лесной
как будто бы случайно.
Оберегая их покой,
Росы роняя слезы,
Благоуханною рукой
прикроют их березы.

9

И вновь придет ко мне поэт
в часы, когда сквозь ветки
на побережье лунный свет
свои начертит клетки.
По склонам тихо он сойдет,
по шахматным полянам
Послушать гулкий рокот вод,
окутанных туманом.

10

Пусть елки тянутся ко мне
своей зубчатой тенью
и видят в ясной глубине
верхушек отраженья.
Пускай берез листва звенит
на каменных утесах
и мой боярышник хранит
певцов звонкоголосых.

11

Пусть, как цветы, в краю родном
растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
и с каждым часом краше!
Греми до самых дальних дней,
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
моей отчизны славной!

Цветок Дэвона

О, как ты прозрачен, извилистый Дэвон,
кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Дэвон,
у берега Эйра впервые расцвел.
Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой!
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
бережно падает ливень косой.
Мимо лети, седокрылый восточный
ветер, ведущий весенний рассвет.

Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.
Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Дэвона скромно цветет.
К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта
Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.
Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?
О памятнике, воздвигнутом Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона
Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
– Шотландия! Под камнем – твой поэт!
О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения – на рассвете в
январе
Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри: зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.
Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют.
Она легко встречает бег минут, –
Несут они надежду или страх.
Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.
Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной разделишь ты!
В ячменном поле
Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.
Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.
Вечерней поздней порой –
Иль очень ранней, что ли? –
Я убедил ее со мной
Побыть в ячменном поле.
Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.
В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.
Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал – до боли –
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.
С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.
Но все, что пережито мной,
Не стоит сотой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле!

Девушки из Тарболтона
В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу,
Девицы имеют успех, брат.
Но барышни Роналдс,
Живущие в Бэнналс,
Милей и прекраснее всех, брат.
Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.
Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и нравом
И разумом здравым
Ровесниц своих превзошла, брат.
Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.
А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильней и прочней, брат.
Но ты не один
Мечтаешь о Джин.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр –
И тот от нее без ума, брат.
Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.
Сестра ее Анна
Свежа и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.
В нее я влюблен.
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.
А если в ответ
Услышу я «нет», –
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И безвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.
Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.
Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.
Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,
И сшил я две пары штанов, брат.

На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках – нехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.
От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб чорт их побрал, брат.
Не плут, не мошенник,
Не нажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат.
Пойду-ка я в солдаты
На чорта вздохи – ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох –
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!
Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот – иду в солдаты.
Ода шотландскому пудингу «Хаггис»
В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, –
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.
Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!
С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.
Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
От пищи пьян.
Кто обожает стол французский –
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.
Но – бедный шут! – от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов – мочалки,
Кулак – орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.
А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.

Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок, –
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.
Молю я Промысел небесный:
И в будний день, и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благодать –
И ниспошли родной, чудесный
Горячий Хаггис!
Две собаки
Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.
Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.
Ошейник именной, с замком,
Проходим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.
Он родовит был, словно лорд,
Но – к чорту спесь! – он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган – бродячих мастеров.
У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.
А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.
Его хозяин – резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый –
Решил – кто знает, почему! –
Присвоить колли своему
Прозванье «Люат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.
Был этот Люат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.
Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.
Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Чтобы развлечься разговором.
А разговор они вели
О людях – о царях земли.
Цезарь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углем, и шерстью, и пшеницей.
Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет –
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга Третьего портрет.
До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, –
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.
А что едят жильцы лачуг, –
При всем моем воображеньи
Я не имею представленья!
Люат

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине
На мостовой и на плотине,
Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.
Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, –
Нужда, недуга, холода
Семью рассеют навсегда..
А все ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмурия.
И поглядишь, – в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.
Цезарь

Однако, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов –
На землеробов, землекопов –
Глядят с презреньем, свысока,

Как мы с тобой на барсука!
Не раз, не два я видел дома,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...
Не знает счастья нищий люд.
Его удел – нужда и труд!
Люат

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный –
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал выше сил,
Тем без подарка отдых мил.
Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.
А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.
Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, – так сказать, пою.
Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,
Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего – в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется – искренне вполне –
Служить народу и стране.
Цезарь

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!

Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.
Зато он будет вечерами
Блистать и в опере, и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстrokрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.
Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деда наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.
Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой..
Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот каково его служенье!
Люат

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы..
Порой и нас мутит лукавый.
– Эх, чорт возьми! – внушает чорт.–
Пожить бы так, как этот лорд!..
Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы,–
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.
Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого чорта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.
Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?
Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах –
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,

И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле –
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.
Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь – томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.
Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам...
Все – напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!
Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте –
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.
А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.
Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.
За чайной чашечкой в гостинной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки – в чортовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье...
Бывают, правда, исключения –
Без исключений правил нет, –
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными трягнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: – Славно, чорт возьми,
Что бог не создал нас людьми!
И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.
Веселые нищие
Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,

И гонит их домой, –
В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.
За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.
В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.
Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.
Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.
И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затыкнул солдат.
Песня

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.
Я учиться начал рано – у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.
Пусть я отдал за науку ногу правую и руку, –
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан.
Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя милашка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.
Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян, –
Выпью кружку и другую, поцелую дорогую
И пойду на всех чертей под барабан!

Речитатив
Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.
Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.
Песня

Девницей была я, – не помню когда, –
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!
Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.
Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, – в том любовь виновата. –

Я же телом своим. И ушла от солдата.
Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком –
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата,
После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир – на заплате заплате.
То-то рада была я увидеть солдата!
Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, – за солдата!

Речитатив

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирая он, что поют,
И только пил ее здоровье.
Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

Песня

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной – дураком по профессии!
Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух – до старости олух.
Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я попрос – и бочонок попрос
И стал здоровенного бочкой!
За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.
Я – клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате.
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливого соперника в палате!
А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.
Недаром ношу я дурацкий колпак –
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя – и бесплатно – дурак,
Тот очень немногочего стоит!..

Речитатив

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала – средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог, –
Сам сатана ее берег.
В былые дни – во время оно –
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

Песня

Мой Джон – дитя шотландских скал –

Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.
Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!
Он был как щеголь разодет –
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.
Меж берегами Твид и Спей
С ватагой буйною своей
Мы кочевали – я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.
Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен –
И вновь ко мне вернулся Джон.
В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!
И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...
Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!
«За Джона! – гаркнул пьяный хор.–
Он был красой Шотландских гор!»
Речитатив
Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.
Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом.
Запел он голосом пискливым
Мотив такой.
Песня
Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленною будь
И все прошедшее забудь.
Плевать на остальное!
Житье на свете скрипачу –
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
Плевать на остальное!
Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, –
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!
Мы будем корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»
Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, –
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!
Речитатив

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, –
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдовье.
Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.
Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...
Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

Песня

Я, ваша честь,
Паяю жесьть.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.
Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.

Теперь опять

Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!
Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.
Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

Речитатив

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.
Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.
Ее супруг – по ремеслу
Поэт, певец природы –
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.
Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
И пел он, что поет душа...

И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

Песня

Я – лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример – слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.
И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.
Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет –
И все такое прочее!
Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, –
Великий грех и прочее!
Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.
За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

Речитатив

Поэт окончил – и кругом
Рукоплеканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке мог, –
Медяк, запряганный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.
Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.
Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

Песня

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!
К чорту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы – трусам оборона,
Церкви – ханжеству приют.
Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним – дурак.
Жить в любви, не зная горя, –
Безразлично, где и как!
Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.
Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.
Жизнь – в движенье бесконечном:
Радость – горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам

Не приходится – их нет!
Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!
Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!
Тэм О'Шентер (Повесть в стихах)
Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот, –
Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.
Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.
А город, где он нализался –
Старинный Эйр, – ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.
О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги – мудрой Кэтти.
А ведь она была права.
Припомни, Тэм, ее слова:
«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»
О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...
Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед – сапожник Джон
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!
Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.

Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!
Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.
Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!
Но счастье – точно маков цвет:
Сорвешь цветок – его уж нет!
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...
Всеми на свете свой черед –
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!
Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала.
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.
Но поворот за поворотом –
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он неся вдаль, взметая грязь.
То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где чорт мерещился ему.
Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов...
Невдалеке – знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.
Здесь у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.
Там – под поникшею ракитой –
Младенец найден был зарытый.
А дальше – тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...
Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невели за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.
Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,

Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам чорт не брат!
А Тэм О'шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чортовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..
Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волюнки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.
И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.
На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волянкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.
Всё веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.
Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.
Тут были крошечные дети,
Что мало пожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины.
Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала.
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.
Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы все быстрее,
Неслись вприпрыжку и вприскок,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.
Будь эти пляшущие тетки
Румянощечки красотки
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно,

Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.
А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!
Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)
Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...
Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.
Но вот прыжок, еще прыжок –
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжело:
«Ах ты, короткая рубашка!..»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...
Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...
Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетаая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!» –
Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...
Она в цветущие года
Так не скакала никогда!
О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена:
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, –
Ее бока в поту и в мыле.
О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост, –
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти.

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда короткая рубашка,
Вдруг, вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста...
В последний раз, собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост.
Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!
На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас
Прельстится полною баклажкой
Или короткою рубашкой, –
Пусть вспомнит ночь, и дождь, и снег,
И старую кобылу мэг!..
из Вильяма Блейка
Король Гвин (баллада)
Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин, –
В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю – и ту
Старалась отобрать.
«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»
Проснулся Гордред между скал,
Тирана лютый враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.
За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.
Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.
Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.
Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.
От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»
Норвежец щит подымлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.
Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.
Они стоят пред королем
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий – молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.
Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.
И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.
– Остановитесь! – молвил Гвин
И указал вперед:
– Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!
Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.
Настало время – и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.
Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля –
И нет ей берегов.
Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!
Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.
Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.
Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.
Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.
О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!
Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.
То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага – и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.
Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.
А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

Святой четверг (Из Песен невинности)
По городу проходят ребята по два в ряд,
В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.
Какое множество детей – твоих цветов, столица.
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум – невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.
Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных,
Внизу их пастыри сидят, заступники сирот.
Лелейте жалость, и от вас ваш ангел не уйдет.

Святой четверг Из «Песен опыта»

Да чем же этот праздник свят,
Когда богатый край такой
Рожденных в нищенстве ребят
Питает жадною рукой?
Что это – песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!
Видно, сутки напролет
В ней стоит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.
Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы,
Там детей голодных нет,
нет угрюмой нищеты.
Маленький бродяжка

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою –
Такому бродяжке не место в раю.
Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.
И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.
И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и чорта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.
Меч и серп

Меч – о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

Тигр

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?
В небесах или глубинах
Тлеет огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?
Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?
Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами

Гневный мозг, метавший пламя?
А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, –
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?
Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила
И тебя, ночной огонь?
Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?
Сон
Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу: в травах меж сетей
Заблудился муравей.
Грустен, робок, одинок,
Обхватил он стебелек.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:
– Мураши мои одни.
Дома ждут меня они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой.
Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
– Чей, – спросил он, – тяжкий стон
Нарушает летний сон?
Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй до дому за ним –
Будешь цел и невредим!
Дитя-радость
Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
– Как же тебя назову?
– Радуюсь я, что живу.
Радостью – так и зови меня!
Радость моя –
Двух только дней, –
Радость дана мне судьбою.
Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!
Вступление к «Песням невинности»
Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:
– Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? –
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.
– Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! –
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.
– Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! –
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.
Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!
Вечерняя песня
Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня.
В сердце тихо, и тихо вокруг.
– Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли – и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.
– Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем – птицы реют кругом
И блуждают стада по холмам.
– Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы. –
Снова топот и гам по лесам, по лугам,
А вдали отвечают холмы.
Смеющаяся песня
В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,
И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» – звонкий смех девиц,
А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, –
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»
Хрустальный чертог
На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.
Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.
Иная Англия была,
Еще неведомая мне, –
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.
Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три – одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!
Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.
Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья – к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.
Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.
* * *

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользят,
Тихий и незримый.
Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.
А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой.
ИЗ ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРДА
Люси

1

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведаль власть,
Доверю свой рассказ.
Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.
Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал –
Он знал дорогу сам.
Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомой крыши гладкий скат
Луною озарен.
Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит.
Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь
За крышею пропал.
Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
«Что, если Люси умерла?» –
Сказал я в первый раз.

2

Среди нехоженых дорог,
Где ключ студеной бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.
Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.
Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет – и оттого
Так изменился свет.

3

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.
Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона –
Последняя любовь.
В твоих горах уютился дом.
Там девушка жила.

Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.
Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

4

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.
Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.
Кукушка
Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты – птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?
Ложусь в траву, на грудь земли,
А твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.
Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты – звонкий голос тишины,
Загадка для меня.
Ты с нашим лугом говоришь
Про солнце и траву.
А мне нечаянно даришь
Виденья наяву.
Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.
Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь –
Всё дальше и милей.
Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.
О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он – твой волшебный дом.
Агасфер
Многопенные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.
Стая туч, когда смиритесь
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.
День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.
Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.
Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле. –
Рад он пристани родимой

На незыблемой скале.
Робкий страус до заката
По пескам стремится свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную – на ночлег.
Без конца моя дорога,
Цель всё так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.
ИЗ ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА
Песнь греческих повстанцев
О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.
К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.
С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо,
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!
Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Эллады прежних дней.
Пусть встает на голос горна
Копьеносцев древних рать,
Чтоб за город семигорный
Вместе с нами воевать.
Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин.
Пускай в сердцах воскреснет
И нас объединит
Герой бессмертной песни,
Спартанец Леонид.
Он принял бой неравный
В ущелье фермопил
И с горсточкою славной
Отчизну заслонил.
И, преградив теснины,
Три сотни храбрецов
Омыли кровью львиной
Дорогу в край отцов.
К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.

Расставание
Помнишь, печалась,
Склоняясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой.
В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.
Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.
Удел твой – бесчестье.
Молвы приговор

Я слышу, – и вместе
Мы делим позор.
В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?
Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.
Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я так же таю.
Коль будет свиданье
Дано мне судьбой,
В слезах и молчанье
Встречусь с тобой!
Солнце бессонных
Бессонных солнце, скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь,
Ты – память счастья, что умчалось прочь.
Еще дрожит бывшего смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек!..
Ты плачешь

1

Ты плачешь – светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.
Ты улыбнулась – пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

2

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.
Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд:
Пускай погас последний луч –
В душе горит закат.

* * *

Она идет во всей красе –
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.
Прибавить луч иль тень отнять –
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.
А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской, –
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

* * *

Не бродить нам вечер целый
Под луной вдвоем,

Хоть любовь не оскудела
И в полях светло, как днем.
Переживет ножны клинок,
Душа живая – грудь.
Самой любви приходит срок
От счастья отдохнуть.
Пусть для радости и боли
Ночь дана тебе и мне –
Не бродить нам больше в поле
В полночь при луне.
О славе
Перед тобою – Марциал.

Его сатиры ты читал.

Тебе доставил он забаву

Воздай же честь ему и славу,

Доколе жив еще поэт.

В посмертной славе толку нет!

На посещение принцем-регентом королевского склепа
Клятвopеступники нашли здесь отдых вечный:
Безглавый Карл и Генрих бессердечный.
В их мрачном склепе меж надгробных плит
Король некоронованный стоит,
Кровавый деспот, правящий державой,
Властитель бессердечный и безглавый.
Подобно Карлу, верен он стране,
Подобно Генриху – своей жене.
Напрасна смерть! Бессилен суд небес!
Двойной тиран в Британии воскрес.
Два изверга извергнуты из гроба –
И в регенте соединились оба!
ИЗ ПЕРСИ-БИШИ ШЕЛЛИ

Зима

Тоскует птица о любви своей
Одна в лесу седом.
Крадется холод меж ветвей,
Ручей затянут льдом.
В полях живой травинки не найдешь,
Обнажены леса.
И тишину колеблет только дрожь
От мельничного колеса
Лето и зима

1

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Плавучих гор – серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.
Все радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

2

Была зима – такая, что с ветвей
Комочком белым падал воробей.
Закованные в ледяные глыбы,
В речных глубинах задыхались рыбы.
И до сих пор не замерзавший ил
В озерах теплых, сморщившись, застыл.
В такую ночь в печах пылало пламя,
Хозяин с домочадцами, с друзьями
Сидел и слушал, как трещит мороз...

Но горе было тем, кто гол и бос!

Мужам Англии

Англичане, почему

Покорились вы ярму?

Отчего простой народ

Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать

В шелк и бархат вашу знать?

Отдавать им кровь и мозг,

Добывать им мед и воск?

Пчелы Англии, зачем

Создавать оружие тем,

Кто оставил вам труды,

А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,

Мир, любовь, семейный круг,

Хлеб насущный, теплый дом,

Заработанный трудом?

Кто не сеет – жатве рад,

Кто не ищет – делит клад,

И мечом грозит не тот,

Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,

Тките ткань для тех, кто гол,

Куйте молотом металл,

Чтобы вас он защищал.

Вы подвальные жильцы

Лордам строите дворцы,

И ваши цепи сотней глаз

Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,

Усердный плотник ладит гроб

И белый саван шьет швея

Тебе Британия моя!

ИЗ ДЖОНА КИТСА

Слава

Дикарка-слава избегает тех,

Кто следует за ней толпой послушной.

Имеет мальчик у нее успех

Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,

Кто без нее счастливым быть не хочет.

Ей кажется: кто говорит о ней

Иль ждет ее, – тот честь ее порочит!

Она – цыганка. Нильская волна

Ее лица видала отраженье.

Поэт влюбленный! Заплати сполна

Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простишь учтиво – и рабой

Она пойдет, быть может, за тобой!

Кузнечик и сверчок

Вовеки не замрет, не прекратится

Поэзия земли. Когда в листе,

От зноя ослабев, умолкнут птицы,

Мы слышим голос в скошенной траве

Кузнечика. Спешит он насладиться

Своим участием в летнем торжестве,

То зазвенит, то снова притаится

И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.

Пришла зима, в полях метет метель,

Но вы покою мертвому не верьте.

Трещит сверчок, забившись где-то в щель.

И в ласковом тепле нагретых печек

Нам кажется – в траве звенит кузнечик.

Стихи, написанные в Шотландии в домике Роберта Бернса

Прожившему так мало бранных лет,

Мне довелось на час занять собою

Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.
Ячменный сок волнует кровь мою.

Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.
Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

Осень

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бесчисленных пчел, –
Пусть им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!
Твой склад – в амбаре, в житнице, в дупле.

Бродя на воле, можно увидеть
Тебя сидящей в риге на земле,
И веялка твою взвевает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы.

Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток.
Иль выжимаешь яблочек терпкий сок
За каплей каплю долгие часы.
Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход:
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим жнивьем небосвод, –
Ты слышишь, роем комары звенят
За ивами – там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор..
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор!

* * *

Четыре разных времени в году.
Четыре их и у тебя, душа.
Весной мы пьем беспечно, на ходу
Прекрасное из полного ковша.
Смакуя летом этот вешний мед,
Душа летает, крылья распутив.
А осенью от бурь и непогод
Она в укромный прячется залив.
Теперь она довольствуется тем,
Что сквозь туман глядит на ход вещей.
Пусть жизнь идет неслышная совсем,
Как у порога льющийся ручей.
Потом – зима. Безлика и мертва.
Что делать! Жизнь людская такова.

* * *

Чему смеялся я сейчас во сне?
Ни знаменьем небес, ни адской речью
Никто в тиши не отозвался мне..
Тогда спросил я сердце человечьё:

Ты, бьющееся, мой вопрос услышь, –
Чему смеялся я? В ответ – ни звука.
Тьма, тьма крутом. И бесконечна мука.
Молчат и бог и ад. И ты молчишь.
Чему смеялся я? Познал ли ночью
Своей короткой жизни благодать?
Но я давно готов ее отдать.
Пусть яркий флаг изорван будет в клочья.
Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее.
Сонет о сонете

Уж если суждено словам брести
В оковах тесных – в рифмах наших дней,
И должен век свой коротать в плену
Сонет певучий, – как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Поэзии – для ног ее босых?
Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей.
Как царь Мидас ревниво в старину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.
* * *

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость – видеть над собою
Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой, тихой, точно сон.
И счастлив тот, кто, сладко утомлен,
Найдет в траве убежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.
И, возвращаясь к своему крыльцу,
Услышав соловья в уснувшей чаще,
Следя за тучкой, по небу скользящей,
Он погрустит, что к скорому концу
Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

Девонширской девушке
Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?
Ты – сельская фея, ты сливок свежее,
Не дашь ли хлебнуть мне из крынки?
Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.
Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца – рядом!
Завешу я шалью твоей деревцо,
И, лежа в лесу на опушке,
Мы будем смотреть маргаритке в лицо
С душистой зеленой подушки.

ИЗ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА

У моря
Бей, бей, бей
В берега, мног шумный прибой!
Я хочу говорить о печали своей,
Непокойное море, с тобой.
Счастлив мальчик, который бежит по песку
К этим скалам, навстречу волне.
Хорошо и тому рыбаку,
Что поет свою песню в челне.
Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие свет.
Но как тяжело о мертвой руке тосковать,
Слышать голос, которого нет.
Бей, бей, бей

В неподвижные камни, вода!
Благодатная радость потерянных дней
Не вернется ко мне никогда.
Дочь мельника
У мельника славные дочки.
И так мне одна дорога, дорога,
что я бы хотел ее щечки
коснуться, как эта серьга.
Меня бы укрыла волнистая прядь,
и милую шейку я мог бы ласкать.
Вокруг ее нежного стана
Хотел бы я быть пояском,
чтоб сердце ее непрестанно
со мной говорило тайком.
И знал бы я, верно ли бьется оно,
то нежной печали, то счастья полно.
И я бы хотел ожерельем
на белой груди ее стать,
чтоб с грустью ее и весельем
вздвигаться и падать опять.
И я бы мечтал об одном, об одном –
чтоб сняты забывали меня перед сном.

ИЗ РОБЕРТА БРАУНИНГА
В Англии весной
Быть сегодня в Англии –
в этот день апреля!
Хорошо проснуться в Англии
и увидеть, встав с постели,
влажные ветви на вязах и кленах
в маленьких, клейких листочках зеленых,
слышать, как зяблик щебечет в саду
в Англии – в этом году!
А после апреля – в начале мая
ласточки носятся не уставая.
И там, где цветет над оградой груша,
цветом своим и росой осыпая
поле, поросшее клевером, – слушай
пенье дрозда. Повторяет он дважды
песню свою, чтобы чувствовал каждый,
что повторить он способен мгновенье
первого, вольного вдохновенья.
и пусть еще хмурится поле седое,
в полдень проснутся от света и зноя
лютики – вешнего солнца подарки.
что перед ними юг этот яркий!

Флейтист из Гаммельна
1
Гаммельн – в герцогстве Брауншвейг,
с Ганновером славным в соседстве.
с юга его омывает река
везер, полна, широка, глубока.
приятней нигде не найдешь уголка.
но многие слышали в детстве,
что пять веков тому назад
испытал этот город не бурю, не град,
а худшее из бедствий.

2
Крысы
различных мастей, волосаты и лысы,
врывались в амбар, в кладовую, в чулан,
копченья, соленья съедали до крошки,
вскрывали бочонок и сыпались в чан,
в живых ни одной не оставили кошки,
у повара соус лакали из ложки,
кусали младенцев за ручки и ножки,
гнездились, презрев и сословье и сан,
на доньшках праздничных шляп горожан,
мешали болтать горожанам речистым

И даже порой заглушали орган
Неистовым писком,
И визгом,
И свистом.

3

И вот повалила толпа горожан
К ратуше, угрожая.
– Наш мэр, – говорили они, – болван,
А советники – шалопаи!
Вы только подумайте! Должен народ
Напрасно нести непомерный расход,
Безмозглых тупиц одевая
В мантии из горностаея!
А ну, поломайте-ка голову, мэр,
И, ежели вы не предложите мер,
Как справиться с грызунами,
Ответите вы перед нами!
Обрюзгших и пухлых лентяев долой
С насиженных мест мы погоним метлой!
При этих словах задрожали
Старшины, сидевшие в зале.

4

Молчало собрание, как будто печать
Навеки замкнула уста его.
– Ах! – вымолвил мэр. – Как хочу я бежать,
Продав этот мех горностаевый!
Устал я свой бедный затылок скрести.
Признаться, друзья, я не вижу пути
От крыс и себя и сограждан спасти...
Достать бы капкан, западню, крысоловку!...
Но что это? Шарканье ног о циновку,
Царапанье, шорох и легонький стук, –
Как будто бы в дверь постучали: тук-тук.
– Эй, кто там? – встревоженный мэр прошептал,
От страха бледнея, как холст.
А ростом он был удивительно мал
И столь же невысказанно толст.
При этом не ярче блестел его взгляд,
Чем устрица, вскрытая месяц назад.
А впрочем, бывал этот взор оживленным
В часы, когда мэр наслаждался зеленым
Из черепахи вареным бульоном.
Но звук, что на шорох крысиный похож,
В любую минуту вгонял его в дрожь.

5

– Ну что же, войдите! – промолвил он строго,
Стараясь казаться повыше немного.
Тут незнакомец в дверь вошел.
Двухцветный был на нем камзол –
Отчасти желтый, частью красный,
Из ткани выцветшей атласной.
Высоко голову он нес.
Был светел цвет его волос,
А щеки выдубил загар.
Не молод, но еще не стар,
Он был стройней рапиры гибкой.
Играла на губах улыбка,
А синих глаз лукавый взор
Подчас, как бритва, был остер.
Кто он такой, какого рода,
Худой, безусый, безбородый,
Никто вокруг сказать не мог.
А он, перешагнув порог,
Свободно шел, и люди в зале
Друг другу на ухо шептали:
– Какая странная особа!
Как будто прадед наш из гроба
Восстал для Страшного суда

И тихо движется сюда –
Высокий, тощий, темнолицый –
Из разрисованной гробницы!

6

Ступая легко, подошел он туда,
Где мэр и старшины сидели,
И с низким поклоном сказал: – Господа,
Пришел толковать я о деле.
Есть у меня особый дар:
Волшебной силой тайных чар
Вести повсюду за собою
Живое существо любое,
Что ходит, плавает, летает,
В горах иль в море обитает.
Но чаще всего за собой я веду
Различную тварь, что несет нам беду.
Гадюк, пауков вызываю я свистом,
И люди зовут меня пестрым флейтистом.
И тут только каждому стало заметно,
Что шея у гостя обвита двухцветной
Широкою лентой, а к ней-то
Подвешена дудка иль флейта.
И стало понятно собравшимся в зале,
Зачем его пальцы все время блуждали,
Как будто хотели пройтись поскорее
По скважинам дудки, висевшей на шее.
А гость продолжал: – Хоть я бедный дударь,
Избавил я хана татарского встарь
От злых комаров, опустившихся тучей.
Недавно Низама я в Азии спас
От страшной напасти – от мыши летучей.
А если угодно, избавлю и вас –
Из Гаммельна крыс уведу я добром
За тысячу гульденов серебром.
– Что тысяча! Мы вам дадим пятьдесят! –
Прервал его мэр, нетерпеньем объят.

7

Флейтист порог переступил,
Чуть усмехнувшись – оттого,
Что знал, как много тайных сил
Дремало в дудочке его,
Ее продул он и протер.
И вдруг его зажегся взор
Зелено-синими огнями,
Как будто соль попала в пламя.
Три раза в дудку он подул.
Раздался свист, пронесся гул.
И гул перешел в бормотанье и ропот.
Почудился армий бесчисленных топот.
А топот сменился раскатами грома.
И тут, кувыркаясь, из каждого дома
По лестницам вверх и по лестницам вниз –
Из всех погребов, с чердаков на карниз
Градом посыпались тысячи крыс.
Толстые крысы, худые, поджарые,
Серые, бурые, юные, старые, –
Всякие крысы любого размера:
Крупный вор и жулик мелкий,
Молодые кавалеры –
Хвост трубой, усы как стрелки, –
Крысы-внуки, крысы-деды,
Сыроеды, крупоеды, –
Все неслись за голосистой
Дудкой пестрого флейтиста.
Прошел квартал он за кварталом.
А крысы вслед валили валом,
Одна другую обгоняя.
И вдруг бесчисленная стая

Танцующих, визжащих крыс
Низверглась с набережной вниз
В широкий, полноводный Вёзер...
Одна лишь смелая, как Цезарь, –
Часа четыре напролет
Плыла, разбрызгивая воду.
И, переплыв, такой отчет
Дала крысиному народу:
– Едва лишь флейта зазвучала,
Как нам почудилось, что сало
Свиное свежее скребут
И яблоки кладут под спуд.
И плотный круг сдвигают с бочки,
Где заготовлены грибочки,
И нам отпирают таинственный склад,
Где сыр и колбасы струят аромат,
Вскрываются рыбок соленых коробки,
И масла прованского чмокают пробки.
На тех же бочонках, где масло коровье,
Все обручи лопнули – ешь на здоровье!
И голос, приятнее в тысячу раз
Всех ангельских арф и лир,
Зовет на великое празднество нас:
– Возрадуйтесь, крысы! Готовится пир
Всех ваших пирушек обильней.
Отныне навеки становится мир
Огромной коптильней-солильней.
Всем, кто хочет, можно, дескать,
Чавкать, хрупать, лопать, трескать,
Наедаться чем попало
До отказа, до отвала!
И только слышались эти слова,
Как вдруг показалась громада –
Прекрасная, гладкая голова
Сверкающего рафинада.
Как солнце, она засияла вблизи,
И шепот раздался: – Приди и грызи!
Но поздно!... Уже надо мной
Катилась волна за волною..

8

Экая радость у граждан была!
Так они били в колокола,
Что расшатали свои колокольни.
Не было города в мире довольней.
Мэр приказал: – До ночной темноты
Все вы должны приготовить шесты.
Норы прочистить, где крысы кишели.
Плотники! Плотно заделайте щели,
Чтобы не мог и крысенок пролезть,
Духу чтоб не было мерзостной твари!
Вдруг появился флейтист на базаре.
– Тысячу гульденов, ваша честь!

9

– Тысячу гульденов? – Мэр городской
Ошеломлен был цифрой такой.
Было известно ему, что казна
В городе Гаммельне разорена.
Столько рейнвейна и вин заграничных
На торжествах и обедах публичных
Выпили дружно мэр и старшины..
Тысяча гульденов? Нет, половины
Хватит на то, чтоб наполнить вином
Бочку, огромную с высохшим дном!
Можно ли тысячу гульденов даром
Бросить бродяге с цыганским загаром,
Дать проходимцу, который притом
В город явился, одетый шутом?...
Мэр подмигнул музыканту: – Мы сами

Видели нынче своими глазами –
Крысы погибли в реке, как одна,
И не вернуться, конечно, со дна.
Впрочем, мой друг, городская казна
Что-то за труд заплатить вам должна,
Скажем – на добрую пинту вина.
Это совсем неплохая цена
За то, что минутку
Дули вы в дудку.
А тысячу мы посулили вам в шутку.
И все же, хоть после бесчисленных трат
Бедный наш город стал скуповат,
Гульденов мы вам дадим пятьдесят!

10

Весь потемнел владелец дудки.
– В своем ли, сударь, вы рассудке?
К чему вся эта болтовня!
Довольно дела у меня.
К обеду я спешу отсюда
В Багдад, где лакомое блюдо
Готовит мне дворцовый повар, –
С ним у меня такой был сговор,
Когда я вывел из притонов
Под кухней стаю скорпионов.
Я с ним не спорил о цене.
Но вы свой долг отдайте мне!
А если со мною сыграли вы шутку,
Звучать по-иному заставлю я дудку!...

11

– Да как ты смеешь, – крикнул мэр; –
Мне ставить повара в пример!
Как смеешь, клоун балаганный,
Грозить нам дудкой деревянной.
Что ж, дуй в нее, покуда сам
Не разорвешься пополам!

12

Снова на улицу вышел флейтист,
К флейте устами приник,
И только издал его гладкий тростник
Тройной переливчатый, ласковый свист,
Каких не бывало на свете, –
Послышалось шумное шарканье, шорох
Чьих-то шагов, очень легких и скорых.
Ладшки захлопали, ножки затопали,
Звонких сандалий подошвы зашлепали,
И, словно цыплята бегут за крупой,
Спеша и толкаясь, веселой толпой
На улицу хлынули дети.
Старшие, младшие,
Девочки, мальчишки
Под флейту плясали, вставая на пальчики.
В пляске
Качались кудрей их колечки,
Глазки
От счастья светились, как свечки.
С криком и смехом,
Звонким и чистым,
Мчались ребята
За пестрым флейтистом...

13

Мэр и советники замерли, словно
Их превратили в стоячие бревна.
Ни крикнуть они, ни шагнуть не могли,
Будто внезапно к земле приросли.
И только следили за тем, как ребята
С пляской и смехом уходят куда-то
Вслед за волшебником с дудкой в руке.
Вот уже с улицы Главной к реке

Манит ребят говорливая дудка.
Мэр и старшины лишились рассудка.
Вот уже Везера волны шумят,
Пересекая дорогу ребят...
Руки тряслись у старшин от испуга,
Свет в их глазах на мгновение померк...
Вдруг повернула процессия с юга
К западу – к склонам горы Коппельберг.
От радости ожили мэр и старшины:
Могут ли дети дойти до вершины!
Их остановит крутая гора,
И по домам побежит детвора.
Но что это? В склоне открылись ворота –
Своды глубокого, темного грота.
И вслед за флейтистом в открывшийся вход
С пляской ушел шаловливый народ.
Только последние скрылись в пещере,
Плотно сомкнулись гранитные двери.
Нет, впрочем, один из мальчишек не мог
Угнаться за всеми – он был хромоног.
И позже, когда у него замечали
Близкие люди улыбку печали,
Он отвечал, что с той самой поры,
Как затворились ворота горы
И чудная дудка звучать перестала,
Скучно в родном его городе стало...
Он говорил: – Не увидать
Мне никогда страны счастливой,
Куда от нас рукой подать,
Но где земля и камни живы,
Где круглый год цветут цветы
Необычайной красоты.
Где воробьи простые краше,
Чем яркие павлины наши,
Где жала нет у мирных пчел,
Где конь летает, как орел,
Где все вокруг не так, как дома,
А ново, странно, незнакомо...
И только показалось мне,
Что в этой сказочной стране
Я вылечу больную ногу,
Скала закрыла мне дорогу,
И я, по-прежнему хромой,
Один, в слезах, побрел домой...
14

О горе Гаммельну! Богатый
Там начал думать над цитатой,
Что, как верблюду нелегко
Пролезть в игольное ушко,
Так и богатым в рай небесный
Не проползти тропинкой тесной...
Напрасно мэр гонцов и слуг
Послал на сотни верст вокруг
С такою трудною задачей:
Где б ни был этот шут бродячий,
Найти его и обещать
Вознаграждение любое,
Коль в город он придет опять
И приведет детей с собою...
Когда же мэр в конце концов
Узнал от слуг и от гонцов,
Что и флейтист исчез без вести,
И детвора с флейтистом вместе,
Созвал он в ратуше совет
Чтобы издать такой декрет.
– Пусть ведают стряпчие и адвокаты:
Там, где в бумагах проставлены даты,
Должно добавить такие слова:

«Столько-то времени от рождества
И столько-то времени с двадцать второго
Июля – то есть со дня рокового,
Когда отцвела, не успевши расцвести,
Надежда народа всего городского –
В году от рождества Христова
Тысяча триста семьдесят шесть».
А путь последний детворы –
От набережной до горы –
Старшины города и мэр
Потомкам будущим в пример
Иль в память совести нечистой
Назвали Улицей Флейтиста.
Ни двор заезжий, ни трактир
Здесь нарушать не смеют мир.
Когда ж случится забрести
На эту улицу флейтистам
И огласить окрестность свистом, –
дай бог им ноги унести!
А на колонне против скал,
Где некогда исчезли дети,
Их повесть город начертал
Резцом для будущих столетий.
И живописец в меру сил
Уход детей изобразил
Подробно на стекле узорном
Под самым куполом соборным.
Еще сказать я должен вам:
Слышал я, будто в наше время
Живет в одной долине племя,
Чужое местным племенам
По речи, платью и обрядам,
Хоть проживает с ними рядом.
И это племя в Трансильвании
От всех отлично оттого,
Что предки дальние его,
Как нам поведало предание,
Когда-то вышли на простор
Из подземелья в сердце гор,
Куда неведомая сила
Их в раннем детстве заманила...

15

Тебе ж, мой мальчик, на прощанье
Один совет приберегу:
давая, помни обещанье
И никогда не будь в долгу
У тех людей, что дуют в дудку
И крыс уводят за собой, –
чтоб ни один из них с тобой
Не мог сыграть плохую шутку!

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

Вересковый мед
Из вèреска напиток
Забыт давным-давно,
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.
В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.
Пришел король шотландский
Безжалостный к врагам.
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.
На вересковом поле
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.
В своих могилах тесных
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.
Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.
Король глядит угрюмо
«Опять в краю моем
Цветет медовый вереск,
А меда мы не пьем!»
Но вот его вассалы
Заметили двоих –
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.
Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, –
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.
К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но никто из пленных
Слова не произнес.
Сидел король шотландский
Не шевелясь в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.
Гневно король промолвил:
– Плетка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовите мед!
Сын и отец смолчали,
Стоя у края скалы.
Вереск шумел над ними,
В море катились валы.
И вдруг голосок раздался:
– Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.
Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну, –
Карлик сказал королю.
Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
– Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал.
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.
Пусть его крепко свяжут
И бросят в пучину вод
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!..

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.
Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик...

И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:
– Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды,
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен,
Пусть со мною умрет
Моя святая тайна –
Мой вересковый мед!
ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

Если...
О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь, –
И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова –
Без прежних сил – возобновить свой труд,
И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» –
И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты – человек!

О всаднике и коне
Ни шпорой, ни плетью коня не тронь,
Не надо вступать с ним в спор.
Но может в пути минута прийти, –
И почувствует взнузданный конь
Хлыста остроту, и железо во рту,
И стальные колесики шпор.
Баллада о царице Бунди
Он умирал, Удаи Чанд,
Во дворце на крутом холме.
Всю ночь был слышен гонга звон.
Всю ночь из дома царских жен
Долетал приглушенный, протяжный стон,
Пропадая в окрестной тьме.
Сменяясь, вассалы несли караул
Под сводами царских палат,
И бледной светильни огонь озарял
Ульварскую саблю, тонкский кинжал,
И пламенем вспыхивал светлый металл
Марварских нагрудных лат.
Всю ночь под навесом на крыше дворца
Лежал он, удушьем томим.
Не видел он женских заплаканных лиц,
Не видел опущенных черных ресниц

Прекраснейшей Бунди, царицы цариц,
Готовой в могилу за ним.
Он умер, и факелов траурный свет,
Как ранняя в небе заря,
С башен дворца по земле пробежал –
От речных берегов до нависших скал.
И женщинам плакать никто не мешал
О том, что не стало царя.
Склонившийся жрец завязал ему рот.
И вдруг в тишине ночной
Послышался голос царицы: «Умрем,
Как матери наши, одеты огнем,
На свадебном ложе, бок о бок с царем.
В огонь, мои сестры, за мной!»
Уж тронули нежные руки засов
Дворцовых дверей резных.
Уж вышли царицы из первых ворот.
Но там, где на улицу был поворот,
Вторые ворота закрылись, – и вот
Мятеж в голубятне затих.
И вдруг мы услышали смех со стены
При свете встающего дня:
– Э-гей! Что-то стало невесело тут!
Пора мне покинуть унылый уют,
Коль дом погибает, все крысы бегут.
На волю пустите меня!
Меня не узнали вы? Я – Азизун.
Я царской плясуньей была.
Покойник любил меня больше жены,
Но вдовы его не простят мне вины!.. –
Тут девушка прыгнула вниз со стены.
Ей стража дорогу дала.
Все знали, что царь больше жизни любил
Плясунью веселую с гор,
Молился ее плосконосим божкам,
Дивился ее прихотливым прыжкам
И всех подчинил ее тонким рукам –
И царскую стражу, и двор.
Царя отнесли в усыпальню царей,
Где таятся под кровлей гробниц
Драгоценный ковер и резной истукан.
Вот павлин золотой, хоровод обезьян,
Вот лежит перед входом клыкастый кабан,
Охраняя останки цариц.
Глашатай усопшего титул прочел,
А мы огонь развели.
«Гряди на прощальный огненный пир,
О царь, даровавший народу мир,
Властитель Люни и Джейсульмир,
Царь джунглей и всей земли!»
Всю ночь полыхал погребальный костер,
И было светло, как днем.
Деревья ветвями шуршали, горя.
И вдруг из часовни одной, с пустыря,
Женщина бросилась к ложу царя,
Объятому бурным огнем.
В то время придворный на страже стоял
На улице тихих гробниц.
Царя не однажды прикрыв он собой,
Ходил он с царем на охоту и в бой,
И был это воин почтенный, седой
И родич царицы цариц.
Он женщину видел при свете костра,
Но мало он думал в ту ночь,
Чего она ищет, скитаясь во мгле
По этой кладбищенской скорбной земле,
Подходит к огню по горячей золе
И снова отходит прочь.

Но вот он сказал ей: «Плясунья, сними
С лица этот скромный покров.
Царю ты любовницей дерзкой была,
Он шел за тобою, куда ты звала,
Но горестный пепел его и зола
На твой не откликнутся зов!»
«Я знаю, – плясунья сказала в ответ, –
От вас я прощенья не жду.
Творила я очень дурные дела,
Но пусть меня пламя очистит от зла,
Чтоб в небе я царской невестой была...
Другие пусть воют в аду!
Но страшно, так страшно дыханье огня,
И я не решусь никогда!
О воин, прости мою дерзкую речь:
Коль ты запятнать не боишься свой меч,
Ты голову мне согласишься отсечь?»
И воин ответил: «Да».
По тонкому, длинному жалу меча
Струилась полоскою кровь,
А воин подумал: «Царица-сестра
С почившим супругом не делит костра,
А та, что блудницей считалась вчера,
С ним делит и смерть и любовь!»
Ворочались бревна в палящем огне,
Кипела от жара смола.
Свистел и порхал по ветвям огонек
Голубой, как стального кинжала клинок.
Но не знал он, чье тело, чье сердце он жег...
Это Бунди-царица была.
Томми Аткинс
Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
«Нельзя!» – трактирщик говорит, взглянув на мой мундир.
Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:
«Солдат – туда, солдат – сюда! Солдат, крадись, как вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» – когда играют сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь», – когда играют сбор».
Явился трезвого трезвей я в театральный зал.
Но пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спровадили меня – под самый небосвод.
Но если пушки загремят, меня пошлют вперед!
Солдат – туда, солдат – сюда! Гони солдата вон!
Но если надо на войну, – пожалуйста в вагон.
В вагон пожалуйста, друзья, пожалуйста в вагон.
Но если надо на войну, пожалуйста в вагон!
Пускай вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.
Солдат – такой, солдат – сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан,
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он – храбрый, когда в строю зальется барабан.
Мы – не шеренга храбрецов и не толпа бродяг.
Мы – просто холостой народ, живущий в лагерях.
И, если мы подчас грешим – народ мы холостой, –
Уж извините: в лагерях не может жить святой!
Солдат – такой, солдат – сякой, по он свой помнит долг,
И, если пули засвистят, – в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк,
Но, если пули засвистят, в огонь уходит полк!
Сулят нам лучший рацион и школы – чорт возьми! –
Но научитесь, наконец, нас признавать людьми,
Не в корме главная беда, а горе наше в том,
Что в этой форме человек считается скотом.
Солдат – такой, солдат – сякой, и грош ему цена.

Но он – надежда всей страны, когда идет война.
Солдат – такой, солдат – сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит все насквозь!

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда –
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.

И я хочу в Бразилию –
К далеким берегам!
Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

* * *

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,
Если мальчик с утра
Не одет, не умыт,
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, –
Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

* * *

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, –
Всё знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, что, Когда и Где.
Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Даю им отдых от забот, –
Пускай не устают.
Они прожорливый народ, –
Пускай едят и пьют.
Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг, –
И всем покоя нет!
Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!
* * *

Кошка чудесно поет у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвет, догоняя меня,
Пробку с продетой веревкой.
Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.
Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),
Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки – мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.
Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете, кошка за дверь
Мчится, считая ступени.
Кошка уходит на целую ночь,
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь, –
Значит, он друг настоящий!
* * *

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.
У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.
Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.
Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?
Совет мой такой:

Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.
И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разгладят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!
* * *

Я – маленькая обезьянка,
Разумное существо.
Давай убежим на волю,
Не возьмем с собой никого!
В коляске приехали гости.
Пусть мама подаст им чай.
Уйти мне позволила няня,
Сказала: – Иди, не мешай!
Давай убежим к пороссятам,
Взберемся с тобой на забор
И с маленьким кроликом будем
Оттуда вести разговор.
Давай все, что хочешь, папа,
Лишь бы только мне быть с тобой.
Исследуем все дороги,
А к ночи вернемся домой.
Вот твои сапоги, вот шляпа,
Вот трубка, табак и трость.
Бежим поскорее, папа,
Пока не заметил гость!

ИЗ ВИЛЬЯМА ЙЕЙТСА

Скрипач из Дунни
Когда я на скрипке играю,
Вся улица пляшет со мной.
Двоюродный брат мой – священник.
Священник и брат мой родной.
Но я не завидую братьям:
Им старый молитвенник мил,
А я себе песенник славный
На ярмарке сельской купил.
Когда постучимся мы трое
В день Судный у райских ворот,
Привратник нам всем улыбнется,
Но первым меня позовет.
Кто праведен сердцем, тот весел,
Коль скорбный не выдался час.
А веселые любят скрипку,
А веселые любят пляс.

Старая песня, пропетая вновь

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.
Ее белоснежные ножки едва касались земли.
– Любите, – она говорила, – легко, как растет листва.
Но я был глуп и молод и не знал, что она права.
А в поле, где у запруды стояли мы над рекой,
Плеча моего коснулась она белоснежной рукой.
– Живите легко, мой милый, как растет меж камней трава.
Но я был молод, и горько мне вспомнить ее слова.

ИЗ А. ХАУСМАНА

Кто этот грешник?

Кто этот грешник юный в наручниках стальных
И чем он так разгневал попутчиков своих?
Видно, правду он виновен, если терпит град угроз!
Нет, ведут его в темницу за преступный цвет волос.
Человечество позорит непристойный этот цвет.
За него могли повесить поколения прежних лет.
От петли иль живодерни вряд ли ноги бы унёс

Тот, кому дала природа безобразный цвет волос.
Не жалея сил и денег, красил голову злодей
Или волосы под шляпой скрыть пытался от людей.
Но с него сорвали шляпу, и тотчас же на допрос
Был доставлен нечестивец, скрывший цвет своих волос.
Верно, ждут его в неволе невеселые деньки.
Там для рук его довольно приготовлено пеньки!
Иль долбить он будет камень в зной палящий и в мороз,
Лихом бога поминая за проклятый цвет волос.

ИЗ ДЖОНА МЕЙСФИЛДА

Морская лихорадка

Опять меня тянет в море, где небо кругом и вода.
Мне нужен только высокий корабль и в небе одна звезда,
И песни ветров, и штурвала толчки, и белого паруса дрожь,
И серый, туманный рассвет над водой, которого жадно ждешь.
Опять меня тянет в море, и каждый пенный прибой
Морских валов, как древний зов, влечет меня за собой.
Мне нужен только ветренный день, в седых облаках небосклон,
Летающие брызги, и пены клочки, и чайки тревожный стон.
Опять меня тянет в море, в бродячий цыганский быт,
Который знает и чайка морей, и вечно кочующий кит.
Мне острая, крепкая шутка нужна товарищей по кораблю,
И мерные взмахи койки моей, где я после вахты сплю.

ИЗ Т. С. ЭЛИОТА

Макавити

Макавити – волшебный кот. У нас его зовут
Незримой Лапой, потому, что он великий плут.
В тупик он ставит Скотланд-Ярд, любой патруль, пикет.
Где был он миг тому назад – его и духу нет!
Макавити, Макавити, таинственный Макавити!
Законы наши соблюдать его вы не заставите.
Презрел он тяготения всемирного закон.
На месте преступления ни разу не был он.
Его преследуй по пятам, беги наперерез,
Ищи по крышам, чердакам – Макавити исчез!
Он ярко-рыж, высок и худ, угрюмый кот-бандит,
Глаза ввалились у него, но в оба он глядит.
Морщины мыслей и забот на лбу его легли,
Усы не чесаны давно, и воротник в пыли.
Он так и вьется на ходу змеей среди кустов.
Вам кажется, что он уснул, а он к прыжку готов!
Макавити, Макавити, таинственный Макавити,
Он дьявол в образе кота, его вы не исправите.
У вас на крыше, на дворе встречает он рассвет,
Но на месте преступленья никогда злодея нет!
По виду он – почтенный кот от лап до бакенбард,
И оттиска его когтей не сделал Скотланд-Ярд.
Но если ночью совершен на окорок налет,
Стекло разбито в парнике, цыплят недостает,
Ограблен сейф, иль певчий дрозд погиб во цвете лет, –
Там без него не обошлось... Но там его уж нет!
А если в министерстве исчезнет договор
Или в Адмиралтействе чертеж похитит вор,
И вы найдете чей-то след у входа в кабинет, –
Искать его – напрасный труд: злодея нет как нет.
В секретном департаменте, наверно, скажут вам:
– Да тут не без Макавити... Но где теперь он сам?
Он отдыхает в тишине и лижет рыжий хвост
Иль смертности мышей и крыс учитывает рост.
Макавити, Макавити, единственный Макавити!
Его вы не отравите, его вы не удавите!
Он двадцать алиби подряд представит на суде,
Как доказательство того, что не был он нигде.
Я знаю множество других разбойников-котов,
Но я уверен, убежден и присягнуть готов,
Что все коты, которых ждет и ловит Скотланд-Ярд,
На побегушках у него, а он – их Бонапарт!

ИЗ ЭДВАРДА ЛИРА

Прогулка верхом

Щипцы для орехов сказали соседям –
Блестящим и тонким щипцам для конфет:
– Когда ж, наконец, мы кататься поедем,
Покинув наш тесный и душный буфет?
Как тяжко томиться весною в темнице,
Без воздуха, света, в молчанье глухом,
Когда кавалеры и дамы в столице
Одно только знают, что скачут верхом!
И мы бы могли б гарцевать по дороге,
Хоть нам не случалось еще до сих пор.
У нас так отлично устроены ноги,
Что можем мы ездить без седел и шпор.
Пора нам, – вздохнули щипцы для орехов, –
Бежать из неволи на солнечный свет.
Мы всех удивим, через город проехав!
– Еще бы! – сказали щипцы для конфет.
И вот, нарушая в буфете порядок,
Сквозь щелку пролезли щипцы-беглецы,
И двух верховых, самых быстрых лошадок
Они через двор провели под уздцы.
Шарахнулась кошка к стене с перепугу,
Цепная собака метнулась за ней.
И мыши в подполье сказали друг другу:
– Они из конюшни уводят коней!
На полках стаканы зазвякали звонко.
Откликнулись грозным бряцаньем ножи.
От страха на голову стала солонка.
Тарелки внизу зазвенели: – Держи!
В дверях сковородка столкнулась с лоханью,
И чайник со свистом понесся вослед
За чашкой и блюдцем смотреть состязанье
Щипцов для орехов – щипцов для конфет.
И вот по дороге спокойно и смело,
Со щелканьем четким промчались верхом
Щипцы для орехов на лошади белой,
Щипцы для конфет на коне вороном.
Промчались по улице в облаке пыли,
Потом – через площадь, потом – через сад...
И только одно по пути говорили:
«Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!»
И долго еще отдаленное эхо
До нас доносило последний привет
Веселых и звонких щипцов для орехов,
Блестящих и тонких щипцов для конфет.

ИЗ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

Баллада о старом Вильяме [3]

– Папа Вильям, – сказал любопытный малыш, –
Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?
– В ранней юности, – старец промолвил в ответ, –
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Преспокойно стою вверх ногами.
– Ты старик, – продолжал любопытный юнец, –
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?
– В ранней юности, – сыну ответил старик, –
Натирался я мазью особой.
На два шиллинга банка – один золотник,
Вот, не купишь ли банку на пробу?
– Ты немолод, – сказал любознательный сын, –
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.
– В ранней юности мышцы своих челюстей

Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!
– Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?
– Нет, довольно! – сказал возмущенный отец. –
Есть границы любому терпенью.
Если новый вопрос ты задашь, наконец,
Сосчитаешь ступень за ступенью!

ИЗ А. МИЛНА

Баллада о королевском бутерброде

Король –

Его величество

Просил ее величество,

Чтобы ее величество

Спросила у молочницы:

Нельзя ль доставить масла

На завтрак королю.

Придворная молочница

Сказала: – Разумеется:

Схожу,

Скажу

Корове

Покуда я не сплю!

Придворная молочница

Пошла к своей корове

И говорит корове,

Лежащей на полу:

– Велели их величество

Известное количество

Отборнейшего масла

Доставить к их столу!

Ленивая корова

Ответила спросонья:

– Скажите их величествам,

Что нынче очень многие

Двуногие, безрогие

Предпочитают мармелад,

А также пастилу!

Придворная молочница

Сказала: – Вы подумайте! –

И тут же королеве

Представила доклад.

– Сто раз прошу прощенья

За это предложение,

Но если вы намажете

На тонкий ломтик хлеба

Фруктовый мармелад, –

Король, его величество,

Наверно, будет рад!

Тотчас же королева

Пошла к его величеству

И, будто между прочим,

Сказала невпопад:

– Ах да, мой друг, по поводу

Обещанного масла...

Хотите ли попробовать

На завтрак мармелад?

Король ответил:

– Глупости! –

Король сказал:

– О, боже мой! –

Король вздохнул: – О, господи! –

И снова лег в кровать.

– Еще никто, – сказал он, –

Никто меня на свете

Не называл капризным.
Просил я только масла
На завтрак мне подать!
На это королева
Сказала: – Ну конечно! –
И тут же приказала
Молочницу позвать.
Придворная молочница
Сказала: – Ну, конечно! –
И тут же побежала
В коровий хлев опять.
Придворная корова
Спросила: – В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела.
Возьмите простокваши,
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать!
Придворная молочница
Сказала: – Благодарствуйте! –
И масло на подносе
Послала королю.
Король воскликнул: – Масло!
Отличнейшее масло!
Прекраснейшее масло!
Я так его люблю!
– Никто, никто, – сказал он
И вылез из кровати,
– Никто, никто, – сказал он,
Спускаясь вниз в халате,
– Никто, никто, – сказал он,
Намылив руки мылом,
– Никто, никто, – сказал он,
Съезжая по перилам,
– Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд,
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд!
ИЗ КНИГИ ЭПИГРАММ
Эпиграммы Роберта Бернса
К портрету духовного лица
Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут...
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут.
При посещении богатой усадьбы
Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья.
Так евнух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.
Поклоннику знати
У него – герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...
Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.
Надпись на могиле школьного педанта
В крошечный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.
О черепе тупицы
Господь во всем, конечно, прав,
Но кажется непостижимым, –
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!
Прижизненная эпитафия издателю
Здесь Джон покоится в тиши.

Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!
Переводчику Марциала
О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, –
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел!..»
Надпись на могиле эсквайра, который был у жены под башмаком
Сто дней Адама все напасти
Происходили от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.
Эпитафия сельскому волоките
Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.
Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!
Ярлычок на карету знатной дамы
Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки,
Но слетишь под откос, если оси колес
Ненадежны, как сердце хозяйки!
Знакомому, который отвернулся при встрече с поэтом
Чего ты краснеешь, встречаясь со мной?
Я знаю: ты глуп и рогат.
Но в этих достоинствах кто-то иной,
А вовсе не ты виноват!
Эпитафия владельцу усадьбы
Джеймс Грив Богхед
Был мой сосед,
И, если в рай пошел он,
Хочу я в ад,
Коль райский сад
Таких соседей полон.
Эпитафия старшине сапожников Гуду
Пусть по приказу сатаны
Покойника назначат
В аду хранителем казны, –
Он ловко деньги прячет.
Нетленный капитан
Пред тем, как предать капитана могиле,
Друзья бальзамировать сердце решили.
– Нет, – молвил прохожий, – он так ядовит,
что даже червяк от него убежит.
Эпитафия честолюбцу
Покойник был дурак и так любил чины,
что требует в аду корону сатаны.
– Нет, молвил сатана. – Ты зол, и даже слишком,
но надо обладать каким-нибудь умишком!
О происхождении одной особы
В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)
Лепить свинью задумал чорт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решение,
И вас он вылепил, милорд!
Эпиграмма На лорда Галлоуэй
В его роду известных много,
но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
теряется в болоте!
Потомку Стюартов, лорду Галлоуэй
Нет, вы – не Стюарт, ваша честь:

Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!
О книгах и переплетах
Пусть книжный червь – жилец резного шкафа –
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!
Мисс Джинни Скотт
О, будь у скоттов каждый клан
Таким, как Джинни Скотт, –
Мы покорили б англичан,
А не наоборот.
Актрисе мисс Фонтенелль
Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала – природе!
Лишь себя играешь ты!
Позабудь живые чувства
И природу приневожь,
Лги, фальшивь, терзай искусство –
Вот тогда сыграешь роль!
К портрету известной мисс Бернс
Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею..
Меньше ль было у любой?
Надпись алмазом на оконном стекле в таверне
Не хвастайся, дряхлый рассудок людской
Безумству – любовь и почет.
Сулишь ты, рассудок, прохладный покой.
Безумство восторг нам дает!
О золотом кольце
– Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое? –
Меня любопытная леди спросила.
Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
– Владеет любовь электрической силой,
А золото – проводник!
Проповеднику лемингтонской церкви
Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви – этой холодней.
Не церковь, а какой-то ледник.
А в ней холодный проповедник.
Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!
Эпитафия шумному полемисту
Ушел ли ты в небесный рай
Иль в ад, где воют черти, –
Впервые этот вздорный лай
Услышат в царстве смерти.
Ответ на угрозу злонамеренного критика
Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!
Джентльмену, который не пустил в свои палаты поэта и его друзей,
интересовавшихся архитектурой
Пред нами дверь в свои палаты
Закрыли вы, милорд.
Но мы – не малые ребята,
А ваш дворец – не торт!
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру
Склонясь у гробового входа,
– О смерть! – воскликнула природа,
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..
Эпиграммы поэтов разных времен
На художника-портретиста

В своих портретах, как ни бился,
Добиться сходства он не мог.
Его детьми утешил бог, –
И в них он сходства не добился!
На смерть скряги
Он умер оттого, что был он скуп:
Не полечился, – денег было жалко;
Но если б знал он цену катафалка, –
Он ожил бы, чтобы нести свой труп!
Критику
«Поэзия глупа!».. В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом,
Он может быть и просто дураком!
Напрасные усилия
Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв название тома.
Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?
Отзыв на пьесу
Хвалю я пьесу вашу, сэр, –
Особенно вторую часть.
Но почему бы, например,
Вам и начало не украсть?
Не презирай сонета
Не будь к сонету, критик, слишком строг.
Пускай бездарен он и скучен очень часто,
Но в нем не более четырнадцати строк,
А ведь в иных стихах бывает полтораэта!
На смерть похоронных дел мастера
Оплакивал он многих – по профессии,
Но только раз себе позволил он
Лежать во время траурной процессии
И не напиться после похорон.
Надгробная надпись
Степенная, внушительная дама

Покоится на лоне Авраама.

Ей хорошо на лоне у него,

Но Аврааму – какво!

Духовная беседа
– Мой сын, смирению учитеесь у овец!..
– Боюсь, что стричь меня вы будете, отец.
Суеверье
О господи, какое суеверье
Предполагать, что ты придумал птиц
Лишь для того, чтоб колыхались перья
На модных шляпах дам или девиц!
О репутациях
Ты говоришь, что я беспутная особа.
Я говорю, что ты порядочен вполне..
Но, видно, попусту стараемся мы оба:
Никто не верит ни тебе, ни мне!
О грамотности
У старого Отто три юные дочки.
Они написать не умели ни строчки.
Отец не решался купить им тетрадь,
Чтоб писем любовных не стали писать. –
Но младшая деда поздравила с внучкой
Писать научилась она самоучкой.
Опасные сравнения
Как день безоблачный, ясна,
Блистательна, как небо в звездах,
Всем одинаково она
Принадлежала, точно воздух.

О поцелуе

– Он целовал вас, кажется?

– Боюсь, что это так!

– Но как же вы позволили?

– Ах, он такой чудак!

Он думал, что уснула я

И все во сне стерплю,

Иль думал, что я думала,

Что думал он: я сплю!

Веточка

Пригнул я веточку весной –

Из тысячи одну.

Она не спорила со мной,

Пока была в плену.

Когда же я ее домой

Отправил – в вышину, –

Какой был шум, какой был свист!

Разрезав воздух, точно хлыст,

Она ушла к другим ветвям,

Меня послав ко всем чертям.

И долго в тишине лесной

Шептались ветки надо мной...

Соболезнование потомку самоубийцы

Мне очень жаль, что напоследок

Зарезался ваш досточтимый предок.

Или, пожалуй, правильней сказать бы:

Зачем он не зарезался до свадьбы!..

О дураках

Жму руки дуракам обеими руками:

Как многим, в сущности, обязаны мы им!

Ведь если б не были другие дураками,

То дураками быть пришлось бы нам самим.

Надгробная надпись

Здесь я покоюсь: Джимми Хогг.

Авось грехи простит мне бог,

Как я бы сделал, будь я бог,

А он – покойный Джимми Хогг!

Тост за двоих

Да здравствует король –

Храни его, о боже.

И дерзкий претендент

Да процветает тоже!

Я пью за них двоих,

Не зная, кто ж на троне:

Законный ли король,

Иль претендент в короне.

Простая истина

Мятеж не может кончиться удачей, –

В противном случае его зовут иначе.

Гробница Карла II

Под эти своды прибыл из дворца

Король, чье слово было хрупко.

За ним не числится ни глупого словца,

Ни умного поступка.

О памятнике поэту Баттлеру

Он умер с голоду, и на могиле

Гранитный бюст друзья соорудили.

А ведь при жизни ни один сосед

Не приглашал поэта на обед.

К несчастному несправедливо небо:

Он получает камень вместо хлеба!

О певцах

Не всякий лебедь должен петь,

Почувяв близость смерти,

Иному лучше помереть

До первых нот в концерте.

О сдержанности

Твой стиль суховатый и сдержанно-краткий

Без удержу хвалят друзья...
Уздечка нужна, чтобы править лошадкой,
Но где же лошадка твоя?
Про одного философа
«Мир, – учил он, – мое представление!»
А когда ему в стул под сидение
Сын булавку воткнул,
Он вскричал: «Караул!
Как ужасно мое представление!»
Про другого философа
Он был чудаком и куда бы ни шел,
Продельывал путь круговой,
поскольку он шел,
Куда нос его велю
А нос у него был кривой.
По теории относительности
Сегодня в полдень пущена ракета.
Она летит куда скорее света
И долетит до цели в семь утра
Вчера.
На Ньютона и Эйнштейна
Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.
(Эпиграмма XVIII века)

Но сатана недолго ждал реванша.
Пришел Эйнштейн – и стало все, как раньше.
(Эпиграмма XX века)

Встреча
Небритый человек, неряшливо одетый,
Актера Гаррика случайно встретил где-то
И подошел к нему с протянутой рукой.
– Здорово! – говорит.
– Но кто же вы такой?
Знакомым с вами быть я не имею чести...
– Ах, братец, память у тебя плоха.
На сцене столько раз мы выступали вместе:
Ты – в роли Гамлета, я – в роли петуха!
Дух Конан-Дойла
Мистер Своффер утверждает, что ему удалось вызвать во время спиритического
сеанса дух Конан-Дойла и даже разговаривать с ним.

Покойный Конан-Дойль при жизни был спиритом
В миры надзвездные, скончавшись, он ушел.
И если б что-нибудь хорошее нашел,
То не ходил бы к Свофферу с визитом!..

Эпитафия шоферу
Бедный малый в больничном бараке
Отдал душу смиренную богу:
Он смотрел на дорожные знаки
И совсем не смотрел на дорогу...
Вечная тайна

Увидев девушку безвестную случайно,
«Как поживаете?» – спросил ее поэт.
Ни слова девушка не молвила в ответ,
И, как живет она, навек осталось тайной...

Опасный номер
Улыбались три смелых девицы
На спине у бенгальской тигрицы.
Теперь же все три –
У тигрицы внутри,
А улыбка на морде тигрицы.
О вежливости
Будь вежлив с каждым воробьем,
Не будь заносчив с муравьем,
А в обществе курином
Не заикайся о своем

Пристрастии к перинам!
Когда навстречу бык идет,
Давай свернем с дороги,
Поскольку он – рогатый скот,
А мы с тобой – безрогий.
О ханже и его лошади
Ханжу кобыла укусила.
Она была права:
Его же проповедь гласила,
Что наша плоть – трава!
Ревнитель трезвости
Ценил он трезвость скучную
В прислуге –
В швейцаре, в поваре, в лакее, –
Но не в друге!
Жертва ожиданья
Пред нами – жертва ожиданья:
Напрасно жертвуя собой,
Он ждал на улице свиданья
Под водосточного трубой.
О человек – сосуд непрочный!
Весной, когда идут дожди,
Ты под трубою водосточной
Своей возлюбленной не жди!
Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка
Я, гренадер, лежу в земле сырой.
Я простудился, выпив кружку пива.
Не пейте пива жаркою порой,
А пейте спирт – и будете вы живы!
Маленькая неточность
Под этой скромной насыпью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли...
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с могилой имя «Джон».
Новая и старая
Новая церковь,
Свободная церковь,
Церковь без колокольцев.
Старая церковь,
Холодная церковь,
Церковь без богомольцев.
Святой Георгий
Георгий – наш святой – во время оно,
Спасая девушку, убил копьем дракона.
Дракон был выдуман. Святой Георгий тоже.
Но, может, девушка жила на свете все же?..
О пьянстве
Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство – без причин!
ИЗ АНГЛИЙСКОЙ И ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
Три баллады о Робин Гуде
1. Рождение Робин Гуда
Он был пригожим молодцом,
Когда служить пошел
Пажом усердным в графский дом
За деньги и за стол.
Ему приглянулась хозяйская дочь,
Надежда и гордость отца,
И тайною клятвой они поклялись
Друг друга любить до конца.
Однажды летнею порой,
Когда раскрылся лист,

Шел у влюбленных разговор
Под соловьиный свист.
– О Вилли, тесен мой наряд,
что прежде был широк,
и вянет-вянет нежный цвет
моих румяных щек.
Когда узнает мой отец,
что пояс тесен мне,
меня запрет он, а тебя
повесит на стене.
Ты завтра к окну моему приходи
Украдкой на склоне дня.
К тебе с карниза я спущусь,
а ты поймай меня!
Вот солнце встало и зашло,
и ждет он под окном
с той стороны, где свет луны
не озаряет дом.
Открыла девушка окно,
ступила на карниз
и с высоты на красный плащ
к нему слетела вниз.
Зеленая чаща уют им дала,
и прежде чем кончилась ночь,
прекрасного сына в лесу родила
под звездами графская дочь.
В тумане утро занялось
над зеленью дубрав,
когда от тягостного сна
очнулся старый граф.
Идет будить он верных слуг
в рассветной тишине.
– Где дочь моя и почему
не поднялась ко мне?
Тревожно спал я в эту ночь
и видел сон такой:
Бедняжку-дочь уносит прочь
косматый вал морской.
В лесу густом, на дне морском
или в степном краю
должны вы мертвой или живой
найти мне дочь мою!
Искали они и ночи и дни,
не зная покоя и сна,
и вот очутились в дремучем лесу,
где сына качала она.
«Баюшки-баю, мой милый сынок,
в чаще зеленой усни.
Если бездомным ты будешь, сынок,
мать и отца не вини!»
Спящего мальчика поднял старик
и ласково стал целовать.
– Я рад бы повесить отца твоего,
но жаль твою бедную мать.
Из чащи домой я тебя принесу,
и пусть тебя люди зовут
по имени птицы, живущей в лесу,
пусть так и зовут: Робин Гуд!

Иные поют о зеленой траве,
другие – про белый лен.
А третьи поют про тебя, Робин Гуд,
не ведая, где ты рожден.
Не в отчем дому, не в родном терему
не в горницах цветных, –
в лесу родился Робин Гуд
под щебет птиц лесных.

2. Робин Гуд и мясники

Спешите на улицу, добрые люди,
Послушайте песню мою.
О славном стрелке, удалом Робин Гуде,
Для вас я сегодня спою.
В лесу на рассвете гулял Робин Гуд.
Вдруг слышит он топот копыт.
Мясник молодой на лошадке гнедой
На рынок рысцою трусит.
– Скажи, молодец, – говорит Робин Гуд, –
В какой ты живешь стороне
И что за товар ты везешь на базар?
Ты больно понравился мне.
– Мне некогда, сударь, рассказывать вам,
В какой я живу стороне,
А мясо на рынок везу в Ноттингам
Продать там по сходной цене.
– Послушай-ка, парень, – сказал Робин Гуд,
А сколько возьмешь ты с меня
За все целиком: за мясо с мешком,
Уздечку, седло и коня?
– Немного возьму, – отвечает мясник, –
Чтоб в город товар не везти.
За мясо с мешком и коня с ремешком
Пять марок ты мне заплати.
– Бери свои деньги, – сказал Робин Гуд, –
Бери заодно с кошельком
И пей за меня, чтобы с этого дня
Счастливым я был мясником!
Верхом прискакал Робин Гуд в Ноттингам,
Проехал у всех на виду,
К шерифу пошел – и деньги на стол
За место в торговом ряду.
С другими купцами он сел торговать,
Хоть с делом он не был знаком,
Не знал, как продать, обмануть, недодать.
Он был мясником-новичком.
Но шибко торговля пошла у него.
Что хочешь плати – и бери!
За пенни свинины он больше давал,
Чем все остальные за три.
Он только и знал – зазывал, продавал,
Едва успевал отпускать.
Он больше говядины продал за час,
Чем все остальные за пять.
– Дворянский сынок, – мясники говорят, –
В убыток себе продает.
Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот!
Подходят знакомиться с ним мясники.
– Послушай, собрат и сосед,
На рынке одном мы товар продаем.
Должны разделить и обед.
– Мы все мясники, – отвечал Робин Гуд, –
Одна небольшая семья.
Сочту я за честь попить и поесть
И чокнуться с вами, друзья!
Толпою к шерифу пришли они в дом,
Садятся обедать за стол.
– А младший наш брат, – мясники говорят, –
Молитву за нас бы прочел.
– Помилуй нас, боже, – сказал Робин Гуд, –
Дай хлеб нам насущный вкусить
И выпить винца, чтоб согрелись сердца!
Мне не о чем больше просить.
– А ну-ка, хозяйка, – сказал Робин Гуд, –
Друзей угостить я хочу.
Давай нам вина, и по счету сполна
За всех я один заплачу.

– Вы пейте и ешьте, – сказал Робин Гуд, –
Пируйте весь день напролет.
Не все ли равно, что стоит вино!
Беру на себя я расчет.
– Дворянский сынок! – говорят мясники, –
Он продал именье отца
И весь свой доход за будущий год
Решил промотать до конца.
– Давно ль, – говорит Робин Гуду шериф, –
Ты в наши приехал места?
Как жив и здоров и много ль голов
Рогатого держишь скота?
– Рогатого много держу я скота –
Две сотни голов или три, –
А впрочем, наведайся в наши места
И сам на него посмотри.
Пасется мой скот по лесам, по лугам,
Телята сейчас у коров.
И, если захочешь, тебе я продам
Задешево сотню голов!
Садится шериф на гнедого коня,
Три сотни червонцев берет
И едет верхом за лихим мясником
В леса покупать его скот.
В Шервудскую чашу въезжают они,
Охотников славных приют.
– Спаси меня, боже, – воскликнул шериф, –
Коль встретится нам Робин Гуд!
По узкой тропе они едут вдвоем.
И вдруг увидел Робин Гуд:
Лесные олени меж темных ветвей
От них врассыпную бегут.
– Вот здесь и живет рогатый мой скот!
Тут несколько сотен голов.
Коль можешь купить, тебе уступить
Я сотню-другую готов!
Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд, –
И разом явились на зов
С двух разных сторон и Маленький Джон,
И семеро лучших стрелков.
– Что скажешь? – спросил его Маленький Джон. –
Каков твой приказ, Робин Гуд?
– Пожаловал к нам Ноттингамский шериф.
Пускай ему ужин дадут!
– Что ж, милости просим, почтенный шериф,
Тебя поджидаем давно.
Отличным жарким мы тебя угостим.
А ты нам плати за вино!
Дрожащий шериф протянул кошелек,
Не молвив ни слова в ответ.
И так же без слов отсчитал Робин Гуд
Три сотенки звонких монет.
Потом он шерифа повел за собой,
Опять посадил на коня
И крикнул вослед: – Поклон и привет
Жене передай от меня!
3. Робин Гуд и шериф
Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году
Веселый месяц май.
Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

– Что слышно, хозяйка, у вас в городке? –
Старуху спросил Робин Гуд.

– Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут.
– Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину:
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?
– Нет, сударь, они не виновны ни в чем.
– За что же карает их суд?
– За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.
– Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, – сказал Робин Гуд, –
Тебе я в беде помогу!
Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетется по холмам.
– Что слышно на свете, седой пилигрим? –
Спросил старика Робин Гуд.
– Трех братьев у нас в Ноттингамской тюрьме
На смерть в эту ночь поведут.
– Надень-ка одежду мою, пилигрим.
Отдай-ка свое мне тряпье,
А вот тебе сорок монет серебром –
И пей за здоровье мое!
– Богат твой наряд, – отвечал пилигрим, –
Моя одежонка худа.
Над старым в беде и над нищим в нужде
Не смейся, сынок, никогда.
– Бери, старичок, мой богатый наряд.
Давай мне одежду свою,
И двадцать тяжелых монет золотых
Тебе я в придачу даю!
Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
Не зная, где зад, где перед.
– Клянусь головой, он слетит с головы,
Чуть дело до дела дойдет!
Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:
Прорехи в коленях, прорехи с боков,
Заплата пониже спины.
Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: – Иных узнают
По платью, а этого можно узнать,
Увидев, во что он обут!
Надел он дырявый, заплатанный плащ,
И только осталось ему
Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.
Идет, хромя, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.
– Спаси и помилуй, – сказал Робин Гуд. –
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!
– Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдешь в палачи!
Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень – скок.
– Клянусь головою, – воскликнул шериф, –
Ты бодрый еще старичок!
– Я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.

И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!
Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.
Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.
– Труби, – засмеялся надменный шериф, –
Пугай воробьев и синиц.
Труби сколько хочешь, куда глаза
Не вылезут вон из глазниц!
Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтораста коней
С окрестных спускаются гор.
И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.
– Что это за люди? – воскликнул шериф.
– Мои! – отвечал Робин Гуд. –
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.
В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.
Король и пастух

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.
Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.
Но вот за богатство
И громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.
Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его к башне
Над Темзой-рекой.

2

– Здорóво, здорóво,
Смиранный аббат,
Получше меня
Ты живешь, говорят.
Ты нашей короне
Лукавый изменник.
Тебя мы лишаем
Поместий и денег!
Взмолился епископ:
– Великий король,
Одно только слово

Сказать мне позволь.
Всевышнему богу
И людям известно,
Что трачу я деньги,
Добытые честно!
– Не ври понапрасну,
Плешивый аббат,
Для всякого ясно,
Что ты виноват,
И знай: навсегда
Твоя песенка спета,
Коль на три вопроса
Не дашь мне ответа.
Вопросы такие:
Когда я на троне
Сижу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, –
Какая цена мне,
Ты должен сказать.
Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я.
А в-третьих, сказать
Без запинки изволь:
Что думает
Твой милосердный король.
Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоём теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней, –
Авось на пятнадцатый
Станешь умней!

3

Вот едет епископ,
Рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксенфорд[4].
Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов.
Проездив епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей
Стадо свиной.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил: – Что слышно,
Хозяин епископ?
– Печальные вести,
Пастух, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовеки не видеть
Мне белого света!
– Милорд, не печалься.
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,

И я за тебя
Перед тронем предстану.
Ты – знатный епископ,
А я – свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.
Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!
– Мой верный пастух,
я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость господня.
Но только смотри
Отправляйся сегодня!

4

Вот прибыл пастух
В королевский дворец.
– Здорóво, здорóво,
Смиренный отец,
Тебя во дворце
Я давно поджидаю.
Садись – я загадки
Тебе загадаю.
А ну-ка послушай:
Когда я на троне
Сажу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, –
Какая цена мне,
Ты должен сказать!
Пастух королю
Отвечает с поклоном:
– Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты стоишь,
Спроси свою знать,
Которой случалось
Тебя продавать!
Король усмехнулся:
– Вот ловкий пройдоха!
На первый вопрос
Ты ответил неплохо.
Теперь догадайся:
Как скоро верхом
Могу я всю землю
Объехать кругом.
– Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса, –
Объедешь ты в двадцать
четыре часа!
Король засмеялся:
– Неужто так скоро?
С тобой согласиться
я должен без спора.
Теперь напоследок
ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король.
– Что ж, – молвил пастух,

Поглядев простовато, –
Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата...
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!
Мельник

1

Вернулся мельник вечером
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.
– Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.
– Гуляет конь,
Ты говоришь?
– Гуляет,
Говорю!
– Звенит уздечкой,
Говоришь?
– Уздечкой,
Говорю!
– С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.
– Прислала мать,
Ты говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Свинью прислала,
Говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Свиной немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свиньи под чепраком!

2

Вернулся мельник вечером,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.
– Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?
– Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!
– Чепец прислала,
Говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– И одеяло,
Говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна,
На них я не видал!

3

Вернулся мельник вечером,

Шагнул через порог
И видит пару щегольских
Начищенных сапог.
– Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!
– Ты пьян как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.
– Прислала мать,
Ты говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Прислала ведра,
Говоришь?
– Прислала,
Говорю!
– Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!
Графиня-цыганка
Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так звонко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.
Танцуя, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее сглазить успели.
– Шелка дорогие снимите с меня,
Подайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня, –
С цыганами в степь ухожу я.
Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!
– Пойдешь ли со мною, – спросил ее Джек, –
Скитаться в ненастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный – к мужу!
– С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.
С тобою готова погибнуть в пути,
С моим кареглазым цыганом!
Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.
– Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.
Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиною!
Покинутый граф воротился домой.
Скликает он няnek и мамок.
Ему говорят: «На шатер кочевой
Она променяла твой замок».
– Седлайте живей вороного коня.
За ним не угнаться гнедому.
Пока ее нет на седле у меня,
Дорогу забуду я к дому!
Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко.
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

– Вернись, молодая графиня, домой.
Ты будешь в атласе и в шелке
До смерти сидеть за высокой стеной
В своей одинокой светелке!
– О нет, дорогой! Не воротись домой
Меня ни мольбою, ни силой.
Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!
Три девушки и рыцарь
Три девушки шили в саду над водой,
Дженнифер, Джентль и Розмари.
К ним рыцарь приехал гостить молодой,
А в роще поют соловьи до зари.
Одна усадила его у огня, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
Другая овсом накормила коня.
А в роще поют соловьи до зари.
Постель приготовила третья сестра, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
И сна пожелала ему до утра.
А в роще поют соловьи до зари.
Но девушкам рыцарь сказал перед сном:
– Дженнифер, Джентль и Розмари,
Загадки мои разгадайте втроем! –
А в роще поют соловьи до зари.
– Что в мире звучнее, чем рог егерей?
Что в мире колючек терновых острей?
Что слаще, чем хлеб, утоляет сердца?
И что на земле тяжелее свинца?
Что в мире длиннее дороги мирской?
Что глубже на свете пучины морской?
Продумали сестры всю ночь до утра,
Дженнифер, Джентль и Розмари.
И вот что придумала третья сестра.
А в роще поют соловьи до зари.
– Звучнее молва, чем рога егерей,
А голод колючек терновых острей.
Для совести грех тяжелее свинца,
И хлеба дороже нам слово отца.
Длиннее дороги лишь ветер один,
И глубже любовь всех подводных глубин!
Загадки разгаданы все до одной, –
Дженнифер, Джентль и Розмари, –
Отгадчица рыцарю станет женой.
А в роще поют соловьи до зари.
Королева Элинор
Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.
Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец..
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.
Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
– О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!
– Я клянусь тебе жизнью и троном своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.
Только плащ францисканца на панцирь надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!
Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,

И кадили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.
А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца
Торопливо крестясь на ходу.
– Вы из Франции оба, святые отцы? –
Прошептала жена короля.
– Королева, – сказали в ответ чернецы,
Мы сегодня сошли с корабля.
– Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
– Кайся, кайся! – печально ответил монах.
– Кайся, кайся! – ответил другой.
– Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
– Кайся, кайся! – сурово ответил монах.
А другой отозвался: – Аминь!
Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрусталя
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.
Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
– Кайся, кайся! – угрюмо ответил монах.
А другой отозвался: – Аминь!
– Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода отца не похож.
А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног!..
– Замолчи! – закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.
Отшвырнул он распястье, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.
И другому аббату он тихо сказал:
– Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!
Женщина из Ашерс Велл
Жила старуха в Ашерс Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.
Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.
– Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбачьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!
Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.
Такой березы не найти
В лесах родного края –
Береза белая росла
У врат святого рая.
– Раздуйте, девушки, огонь,

Бегите за водою!
Все сыновья мои со мной,
Я нынче пир устрою!
Постель широкую для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.
Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
– Пора нам в путь-дорогу!
Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать – за наш уход
Терпеть мы будем муки.
– Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!
Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.
Они повесили на гвоздь
Платок, давно знакомый.
– Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.
Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.
Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!
Песня нищих
Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой.
Град и огонь и мерцанье свечей,
И господь твою душу помилуй!
Долго во мраке будешь идти –
Вечная ночь за могилой.
Тернии будут расти на пути.
Господь твою душу помилуй!
Если ты нищему дал сапоги, –
Вечная ночь за могилой, –
Сядь, натяни их и дальше беги,
И господь твою душу помилуй!
Если ж ты лишнюю обувь берег, –
Вечная ночь за могилой, –
Ты по колючкам пойдешь без сапог,
И господь твою душу помилуй!
Долго во мраке будешь идти –
Вечная ночь за могилой.
К мосту страстей ты придешь по пути,
Господь твою душу помилуй!
Только по страшному мосту пройдешь,
Вечная ночь за могилой, –
Прямо в чистилище ты попадешь,
Господь твою душу помилуй!
Если твоя не скудела ладонь, –
Вечная ночь за могилой, –
Ты невредимым пройдешь сквозь огонь,
И господь твою душу помилуй!
Если ж берег ты вино и харчи, –
Вечная ночь за могилой, –
Будешь гореть в раскаленной печи.
Господь твою душу помилуй!

Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой,
Град и огонь и мерцанье свечей,
И господь твою душу помилуй!
Песенка слепца
Подходит время к рождеству.
Жиреет белый гусь.
Кто целый гривенник мне даст,
За тех я помолюсь.
А если гривенника нет,
Подайте мне пятак.
А если нет и пятака,
Я помолюсь и так.
Эпитафия на кладбище Мельрозского аббатства
Земля проходит по земле
Подчас в наряде золотом.
Земля покой найдет в земле
В свой срок – сейчас или потом.
Земля возводит на земле
Недолговечное жилье.
Земля одно твердит земле:
«Все, что построишь ты, – мое!»
Русалка
В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: следом за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.
Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.
Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.
Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
– Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.
Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать
При бессчетных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горючих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!
Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
– Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!
По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
– Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!
Мы работали дружно,
Тонули мы врозь –
Это было судьбой суждено.
Уцелевшей доски

Под рукой не нашлось,
И пошли мы на темное дно,
на дно,
на дно,
За русалкой
На темное дно!
Из позабытых песен

1

Западный ветер, повея ты вновь
И маленький дождь пролей.
Ах, если б со мною была любовь,
А я – в постели своей!

2

Сквозь снег и град
Вернись назад,
Вернись ко мне, вернись ко мне,
Мой милый друг, вернись ко мне!
В потемках лет
Пропал твой след.
Вернись, вернись, вернись ко мне!
Охотничья песня
Рога трубят.
Рога трубят.
И птицы приветствуют день.
А двор короля
Несется в поля,
В дубравы, где бродит олень.
Заря встает.
Петух поет.
И будит пастушья свирель
Забрезживший день,
Которому лень
Покинуть лесную постель.

ИЗ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

* * *

Когда выхожу я утром
И вижу твой тихий дом,
Я радуюсь, милая крошка,
Приметив тебя за окном.
Читаю в глазах черно-карих
И в легком движении век:
– Ах, кто ты и что тебе надо,
Чужой и больной человек?»
– Дитя, я поэт немецкий,
Известный в немецкой стране.
Назвав наших лучших поэтов,
Нельзя не сказать обо мне.
И той же болезнью я болен,
Что многие в нашем краю.
Припомнив тягчайшие муки,
Нельзя не назвать и мою.

* * *

Над пеною моря, раздумьем объят,
Сажу на утесе скалистом.
Сшибаются волны, и чайки кричат,
И ветер несется со свистом.
Любил я немало друзей и подруг.
Но где они? Кто их отыщет?
Взбегают и пенятся волны вокруг,
И ветер протяжно свищет.

* * *

В почтовом возке мы катили,
Касаясь друг друга плечом.
Всю ночь в темноте мы шутили.
Болтали – не помню о чем.
Когда же за стеклами в раме

Открылся нам утренний мир,
Амур оказался меж нами,
Бесплатный слепой пассажир.

* * *

Когда тебя женщина бросит, – забудь,
Что верил ее постоянству.
В другую влюбись или трогайся в путь.
Котомку на плечи – и странствуй.
Увидишь ты озеро в мирной тени
Плакучей ивовой рощи.
Над маленьким горем немного всплани,
И дело покажется проще.
Вздыхая, дойдешь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины,
Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
И клекот услышав орлиный.
Ты станешь свободен, как эти орлы.
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало!

* * *

Как из пены вод рожденная,
Ты сияешь – потому,
Что невестой нареченною
Стала ты бог весть кому.
Пусть же сердце терпеливое
Позабудет и простит
Все, что дурочка красивая,
Не задумавшись, творит!

* * *

Чтобы спящих ее встревожить,
Не вспугнуть примолкших гнезд,
Тихо по небу ступают
Золотые ножки звезд.
Каждый лист насторожился,
Как зеленое ушко.
Тень руки своей вершина
Протянула далеко.
Но вдали я слышу голос –
И дрожит душа моя.
Это зов моей любимой
Или возглас соловья?..
Лорелей
Не знаю, о чем я тоскую.
Покоя душе моей нет.
Забыть ни на миг не могу я
Преданье далеких лет.
Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.
Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем ее золотым.
Проводит по золоту гребнем
И песню поет она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.
Пловец в челноке беззащитном
С тоскою глядит в вышину.
Несется он к скалам гранитным,
Но видит ее одну.
А скалы кругом все отвесней,
А волны – круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.

* * *

Рокочут трубы оркестра,
И барабаны бьют.
Это мою невесту
Замуж выдают.
Гремят литавры лихо,
И гулко гудит контрабас.
А в паузах ангелы тихо
Вздыхают и плачут о нас.
Гонец
Гонец, скачи во весь опор
Через леса, поля,
Пока не въедешь ты во двор
Дункана-короля.
Спроси в конюшне у людей,
Кого король-отец
Из двух прекрасных дочерей
Готовит под венец.
Коль темный локон под фатой,
Ко мне стрелой лети.
А если локон золотой,
Не торопись в пути.
В канатной лавке раздобудь
Веревку для меня
И поезжай в обратный путь,
Не горяча коня.

* * *

Двое перед разлукой
Безмолвно подают
Один другому руку,
Вздыхают и слезы льют.
А мы с тобой не рыдали,
Когда нам расстаться пришлось.
Тяжелые слезы печали
Мы пролили позже – и врозь.

* * *

Они мои дни омрачали
Обидой и бедой –
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.
Мне в хлеб и вино подсыпали
Отраву за каждой едой –
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.
Но та, кто всех больше терзала
Меня до последнего дня,
Враждою ко мне не пылала,
Любить – не любила меня.

* * *

Кто влюбился без надежды,
Расточителен, как бог.
Кто влюбиться может снова
Без надежды, – тот дурак.
Это я влюбился снова
Без надежды, без ответа.
Насмешил я солнце, звезды,
Сам смеюсь – и умираю.

* * *

Как ты поступила со мною,
Пусть будет неведомо свету.
Об этом у берега моря
Я рыбам сказал по секрету.
Пятнать твое доброе имя
На твердой земле я не стану,
Но слух о твоём вероломстве
Пойдет по всему океану!

* * *

Весь отражен простором
Зеркальных рейнских вод,

С большим своим собором
Старинный Кельн встает.
Сиял мне в старом храме
Мадонны лик святой.
Он писан мастерами
На коже золотой.
Вокруг нее – цветочки,
И ангелы реют над ней.
А волосы, брови и щечки –
Совсем, как у милой моей.
* * *

Не подтрунивай над чортом, –
Годы жизни коротки,
И загробные мученья,
Милый друг, не пустяки.
А долги плати исправно.
Жизнь не так уж коротка, –
Занимать еще придется
Из чужого кошелька!
* * *

Какая дурная погода!
Дождь или снег, – не пойму.
Сиж у окна и гляжу я
В сырую, ненастную тьму.
Чей огонек одинокий
Плывет и дрожит вдалеке?
Я думаю, это фонарик
У женщины старой в руке.
Должно быть, муки или масла
Ей нужно достать поскорей.
Печет она, верно, печенье
Для дочери взрослой своей.
А дочь ее нежится в кресле,
И падает ей на лицо,
На милые, сонные веки
Волос золотое кольцо.
* * *

За столиком чайным в гостиной
Спор о любви зашел.
Изысканны были мужчины,
Чувствителен нежный пол.
– Любить платонически надо! –
Советник изрек приговор,
И был ему тут же наградой
Супруги насмешливый взор.
Священник заметил: – Любовью,
Пока ее пыл ее иссяк,
Мы вред причиняем здоровью. –
Девушка спросила: – Как так?
– Любовь – это страсть роковая!
Графиня произнесла
И чашку горячего чая
Барону, вздохнув, подала.
Тебя за столом не хватало.
А ты бы, мой милый друг,
Верней о любви рассказала,
Чем весь этот избранный круг.
* * *

С надлежащим уважением
Принят дамами поэт.
Мне с моим бессмертным гением
Сервирован был обед.
Выбор вин отменно тонок.
Суп ласкает вкус и взор.
Восхитителен цыпленок.
Заяц сочен и остер.
О стихах зашла беседа...
И поэт, по горло сыт,

Устроительниц обеда
За прием благодарит.
* * *

Твои глаза – сапфира два,
Дна дорогих сапфира.
И счастлив тот, кто обретет
Два этих синих мира.
Твое сердечко – бриллиант.
Огонь его так ярок!
И счастлив тот, кому пошлет
Его судьба в подарок.
Твои уста – рубина два.
Нежны их очертанья.
И счастлив тот, кто с них сорвет
Стыдливое признание.
Но если этот властелин
Рубинов и алмаза
В лесу мне встретится один, –
Он их лишится сразу!
* * *

Прекрасный старинный замок
Стоит на вершине горы.
И любят меня в этом замке
Три барышни – три сестры.
Вчера обняла меня Йетта.
Юлия – третьего дня.
А день перед тем Кунигунда
В объятьях душила меня,
В замке устроили праздник
Для барышень милых на днях.
Съезжались бароны и дамы
В возках и верхом на конях.
Но жаль, что меня не позвали.
Не видя меня на балу,
Ехидные сплетницы-тетки
Тихонько смеялись в углу...
* * *

Материю песни, ее вещество
Не высосет автор из пальца.
Сам бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца.
Из пыли и гнили древнейших миров
Он создал мужчину – Адама.
Потом из мужского ребра и жиров
Была изготовлена дама.
Из праха возник у него небосвод.
Из женщины – ангел кроткий.
А ценность материи придает
Искусная обработка.
Большие обещания
Мы немецкую свободу
Не оставим босоножкой.
Мы дадим ей в непогоду
И чулочки и сапожки.
На головку ей наденем
Шапку мягкую из плюша,
Чтобы вечером осенним
Не могло продуть ей уши.
Мы снабдим ее закуской.
Пусть живет в покое праздном, –
Лишь бы только бес французский
Не смутил ее соблазном.
Пусть не будет в ней нахальства,
Пусть ее научат быстро
Чтить высокое начальство
И персону бургомистра!
Погодите!
Из-за того, что я владею

Искусством петь, светить, блистать,
Вы думали, – я не умею
Грозящим громом грохотать?
Но погодите: час настанет, –
Я проявлю и этот дар.
И с высоты мой голос грянет,
Громовый стих, грозы удар.
Мой буйный гнев, тяжел и страшен,
Дубы расколет пополам,
Встряхнет гранит дворцов и башен
И не один разрушит храм.
ИЗ ШАНДОРА ПЕТЕФИ
Привал в пути
Что тут за шумное веселье?
Пирушка, свадьба, новоселье?
Нет, по пути – сквозь дождь и тьму –
Примчались всадники в корчму.
– Корчмарша, гей! Без проволочки
Налей вина из старой бочки.
Что? Деньги? Будут! Кончим бой –
И рассчитаемся с тобой.
Налей вина из старой бочки
Да не вели стесняться дочке.
Целуй, голубка! Кончим бой –
И обвенчаемся с тобой.
Так пировали, чередуя
Огонь вина и поцелуя,
Те, чью судьбу решал рассвет, –
Как будто жить им сотню лет!
Где мы – на свадьбе иль на тризне?
Тут холод смерти с жаром жизни,
Любовь и смерть, вино и кровь,
Смерть и бессмертная любовь!

Прощание с 1844 годом
Приходит год, покончив с прошлым годом.
Как смертные, ведут они борьбу.
И каждый новый год своим приходом
Нам говорит: минувший год в гробу.
Что ж, погаси дыханьем уст отцветших
Своей лампы беспокойный свет.
Тебя, последний из годов ушедших,
Я не впишу в число счастливых лет.
Ты в голову поэта, как оратай,
Больших идей забросил семена.
И, собирая урожай богатый,
Душа счастливой гордости полна.
Вознаграждая труд мой неустанный,
Дарит мне слава поздний свой расцвет.
Но год, лучами славы осиянный,
Я не впишу в число счастливых лет.
Пылать, как факел, сердцу было больно
В руке судьбы, не балующей нас..
Ты, одряхлевший год, сказал: довольно!
И пламень мой неистовый угас.
Хоть силы жизни смерть перебороли,
Но половины сердца больше нет.
И этот год моей угасшей боли
Я не впишу в число счастливых лет.
Минувший год, перед твоей могилой
Я новой жизни вижу колыбель.
Мне говорит надежды лепет милый
О радости, неведомой досель.
Весь озаренный жизнью предстоящей,
Былому году шлю я свой привет.
Но все же год, навеки уходящий,
Я не впишу в число счастливых лет.

Тебя с мольбой народ венгерский встретил,
К тебе он обратил усталый взор,
Но громом в небе ты ему ответил,
И этот гром звучал, как приговор.
И вот, когда лежишь ты распростертый,
Что я могу сказать тебе вослед?
Год уходящий, год сорок четвертый,
Ты не войдешь в число счастливых лет!
* * *

Блаженны те, кому дано
В короткой этой жизни
Любить подруг, и пить вино,
И жизнь отдать отчизне.
Дядюшка Пал
Долго раздумывал дядюшка Пал,
И, шляпу надев набекрень,
Сказал он: – Сам дьявол жену мне послал.
За мной она ходит, как тень.
На что мне она,
Ворчунья-жена?
Ей-ей, прогоню ее прочь!.. –
Так в гневе сказал
Наш дядюшка Пал.
И выполнил слово точь-в-точь.
Но скоро задумался дядюшка Пал,
И шляпу он сдвинул назад.
– Зачем я хозяйку напрасно прогнал?
Теперь уж и сам я не рад.
Запущен мой дом,
Хозяйство вверх дном
С тех пор, как ушла она прочь...
И так оно было – точь-в-точь.
Недолго раздумывал дядюшка Пал
Он шляпу надел на висок.
– Ну что же поделаться!
Прогнал так прогнал.
Какой в моих жалобах прок?
Остатки хозяйства в корчму поташу,
На ветер пушу.
Слезами беде не помочь!..
И выполнил слово точь-в-точь.
Но снова задумался дядюшка Пал
И шляпу надвинул на лоб.
Видать без хозяйки моей я пропал.
Осталось ложиться мне в гроб.
Канат я куплю
И полезу в петлю
В ближайшую темную ночь.
Да так он и сделал точь-в-точь.
Пятый стакан
Да неужто это пятый
Был стакан?
Ты сегодня рановато,
Братец, пьян.
Вдвое больше ты стаканов
Выпивал,
А не помнится, чтоб пьяным
Ты бывал.
И язык во рту с похмелья
Уж не тот.
Фермопильское ущелье,
А не рот!
Что-то стал я выражаться
Мудрено.
Виновато в этом, брзтцы,
Не вино.
Выпить бочку я сумею
Всю до дна

И, ей-богу, не пьянею
От вина.
Я служил в полку когда-то,
Да, в полку,
И носил палаш солдата
На боку.
Тесноват мундир казенный,
Но блестящ, –
Отвороты, кант зеленый,
Сверху плащ.
Был солдатом я завзятым,
Боевым.
Вот те крест, я был солдатом
Рядовым.
В первый год мне ранец новый
Был тяжел.
Но до чипа рядового
Я дошел!
И по той простой причине
Снял мундир,
Чтоб меня не снизил в чине
Командир.
Где нельзя найти виновных,
Там солдат
По уставу безусловно
Виноват.
И поплатится тем паче
Рядовой,
Если он рожден с горячей
Головой.
Ваш совет – прощать обиду –
Не приму.
Мне псалмы царя Давида
Ни к чему.
Брать меня за кончик носа
Я не дам.
Знает каждый, что он косит, –
Знает сам..
Впрочем, много я болтаю
Во хмелю.
Словно мельница пустая,
Я мелю.
Но без влаги не вертятся
Жернова.
Дайте мне стаканчик, братцы,
Или два.
Чтоб лилось струей веселой
В рот вино
И тоску перемололо,
Как зерно.
Целый час болтал я с вами.
А про что?
Про колеса с жерновами?
Нет, не то..
Перепутала дремота
Все слова,
И кружится отчего-то
Голова.
Надо встать, а встать нет мочи.
Время спать.
Ну, друзья, спокойной ночи..
Марш в кровать!
ИЗ ЙОВАНА ЙОВАНОВИЧА-ЗМАЯ
Честь
Честь золото не купит
Честный чести не уступит.
Честь нужна ему, как свет.
Рад продать ее бесчестный..

Но, как всякому известно,
У бесчестных чести нет.

Крапива

Жжется больнее злая крапива,
Если берут ее слишком учтиво.
Если ж возьмете ее, не робея,
Злая крапива жалит слабее.
Меньше терзают беды и муки,
Если вы крепко берете их в руки!

Ослиные уши

Говорил осел без слов:

– Бедная скотина я!

Ходит слух, что у ослов

Уши слишком длинные.

А ведь уши у слонов

Больше, чем ослиные!

Слон ответил: – Верно, брат.

Уши наши длинные,

Но хвастливо не торчат

Кверху, как ослиные!

Черное и белое

– Трубочист веселый и проворный,

Почему не белый ты, а черный?

– Если трубочист бывает белый,

Значит, плохо трубочиста дело.

– Мельник, мельник, ты белее мела.

Почему не черный ты, а белый?

– Если мельник черный, а не белый,

Значит, плохо мельниково дело.

Надо думать, что ответы эти

Поняли и взрослые и дети.

Что было бы, если бы

Дай оленю два крыла –

Обогнал бы он орла.

Кабы кукла платья шила,

У нее бы платье было.

Кабы хлеб валился с неба,

Всем бы вдоволь было хлеба.

Будь река из молока,

Был бы сыр наверняка.

Кабы май стоял всю зиму,

Не бывать бы в доме дыму.

Кабы в речке были печки,

Ты бы ел уху из речки.

Так-то так. Но польза есть ли

Нам от слов «кабы» да «если»?

ИЗ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Капля меда

В ущелье гор среди села

Лавчонка тесная была.

Туда забрел в базарный день

Пастух одной из деревень.

Он на плече дубину нес.

За ним бежал мохнатый пес.

– Есть мед, купец?

– Есть, молодец.

Давай горшок или корец.

Аи, что за мед, душистый мед!

Похвалит всякий, кто возьмет.

Купец по капле мед цедил,

Но слов медовых не щадил.

Его и медом не корми,

А дай поговорить с людьми!

И за беседой невзначай

Он прóлил каплю через край.

Сверкнула капля, как топаз.

О ней и будет наш рассказ.

Почуяв мед издалека,

Слетела муха с потолка,
Жужжит и жадно тянет мед,
А к ней ползет хозяйский кот,
Припал к земле и в тот же миг
На муху – прыг!
Но пес, пришедший с пастухом,
Такую прыть почел грехом.
Вскочил он с пеною у рта
И ну терзать, трясти кота,
Трепать, катать,
Валять, мотать.
Чуть отпустил –
И снова хватить!
Потом, как тряпку, отшвырнул.
Кричит хозяин: – Караул!
Мой славный кот! Моя краса!
Держите бешеного пса!
Ах, он такой! Ах, он сякой!
И все, что было под рукой –
Горшок, жаровню с кочергой,
Полено, ось от колеса, –
Обрушил на голову пса.
Пес завертелся, завизжал
И на пол лег, где кот лежал.
– Мой бедный лев! – вскричал пастух. –
С тобою свет очей потух!
Кто будет мне стеречь овец?
Тебя прикончил злой купец.
Пусть он провалится со всей
Дрянной лавчонкою своей!
Ему припомнится мой пес...
Тут над купцом силач занес
Свою дубину – и купец
Нашел безвременный конец.
– Грабеж! Разбой средь бела дня! –
Кричит, орет его родня.
Со всех дворов, из всех ворот,
Из всех дверей валит народ.
Бегут на шум
Сосед и кум,
И теткин сват,
И тещин брат.
Свекровь, и деверь, и сноха
Колотят, валят пастуха.
– Ах ты, медведь косматый с гор!
– Головорез, разбойник, вор!
Не покупать
Пришел, злодей,
А убивать
Честных людей!
С врагами в бой вступил пастух,
Сбил одного, отбросил двух
И пал на землю вниз лицом
Между собакой и купцом...
И вот до горного села,
Как дым пожара, весть дошла.
Всех взбудоражил этот слух.
– Убит в долине наш пастух!
Нельзя нам смерть его простить.
Убийцам надо отомстить!..
Ребята летнею порой
Вспугнут в гнезде осиный рой
И убегут. А тучи ос
Прохожих жалят в глаз и в нос.
Так муха бурю подняла...
Бегут со всех концов села
И старики и молодежь,
Хватают вилы, серп и нож,

Лопату, вертел и топор
И вниз спешат с высоких гор.
Ведут коней на поводу
И рассуждают на ходу:
– Худой народ внизу живет.
Таким он исстари слывет.
За каплей меда вниз пойдешь –
Да и погибнешь ни за грош.
Черна их совесть от греха.
Идем же мстить за пастуха!
Мы их сожжем!
Мы их убьем!
Мы их – ножом!
Мы их – дубьем!
Так верхнее село пошло
Войной на нижнее село,
На брата – брат.
Галдят, кричат.
Кто бьет кого – не разберешь.
И вот уж в ход пустили нож.
Сверкнул отточенный кинжал.
Огонь по крышам побежал.
При виде крови и огня
Еще сильнее пошла резня.
Младенцы плачут, и ревет
В хлевах, в клетях забытый скот...
Огонь село спалил дотла.
А были эти два села,
Где жили сотни две крестьян,
В пределах двух различных стран.
Рубеж меж ними проходил,
Закон различный их судил,
И подати несли они
Царям различным в эти дни.
Вот одному царю гонец
Донес, явившись во дворец,
Что жители чужой земли
В его стране село сожгли.
Властитель скипетром потряс
И начертал такой указ:
«Мы, божьей милостью, и проч.,
Сим возвещаем: нынче в ночь
Король соседний, словно вор,
Презрев священный договор,
Границы наши перешел,
Вступив в одно из наших сел.
У поселян он отнял кров.
Стенанья жен и слезы вдов
Текут к престолу моему.
А посему,
А потому
Приказ мы отдали войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну.
Согнем врага в бараний рог!
За нами – пушки. С нами – бог!»
Под сим – число календаря
И подпись грозного царя.
Но и во вражеской стране
На каждой городской стене,
На каждом тыне и плетне,
На всем, что только видит глаз,
Монарший вывешен указ:
«Мы, сын небес и царь царей,
Сим объявляем, что злодей
Соседний царь идет войной,
Чтоб нашей завладеть страной.

В наш край он вторгся, точно вор,
Презрев священный договор
И для сего найдя предлог.
Но с нами меч и с нами бог!»
Под сим – число календаря
И подпись оногo царя.
И запылал огонь войны,
И две страны разорены,
И поле некому косить,
И мертвых некому носить.
И только смерть, звеня косою,
Бредет пустынной полосой..
Склоняясь у могильных плит,
Живой живому говорит:
– Откуда и за что, сосед,
На нас свалилось столько бед?..

Тут и кончается рассказ.
А если кто-нибудь из вас
Задаст рассказчику вопрос,
Кто здесь виновней – кот иль пес,
И неужели столько зла
Шальная муха принесла, –
За нас ответит вам народ:
Найдутся мухи, – был бы мед!..
Кот-скорняк
Скорняжным
Теплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За столом
Сидел
Скорняк усатый.
Как вдруг
К нему
Явился пес
И шкурку
Мягкую
Принес.
– Здорово, кот! –
Промолвил пес,
Протягивая
Лапку. –
Трещит
На улице мороз.
Скорее шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.
Ну, что ж, сошьешь?
– Изволь, сошью!
– А долго ль ждать?
– В денек-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапку в субботу!
Папаху шить –
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!
Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене

Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить –
Не шубу шить.
С деньгами
Можно
Не спешить!
В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос.
– Ну, что,
Готова шапка?
– Нет, – говорят
Ему в ответ.
– А где хозяин?
– Дома нет!
Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идет
В богатой новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
– Зачем торопишься, чудак?
С таким шитьем
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить –
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра –
Теперь кроить ее пора!
– Мне очень жаль, –
Ответил пес, –
Что шапка не готова.
Но не сердись на мой вопрос:
Когда явиться снова?
Не в гости
Я хожу
В твой дом,
А за своим
Хожу
Добром!
– Ну, так и быть, –
Бормочет кот, –
Приди к обеду
В среду!
Среда настала.
Пес идет
За шапкою к соседу.
– Как поживаешь?
– Жив-здоров!
– Готов заказ?
– Нет, не готов!
Тут вышел
Крупный разговор,
Потом и потасовка.
– Ты, братец, плут!
– Ты, братец, вор!
– Жена твоя плутовка!
– Щенок!
– Урод!

– Молокосос!
– Паршивый кот!
– Плешивый пес!
Доходит дело до суда.
Узнав про эту драку,
Судья сказал:
– Позвать сюда
И кошку и собаку!
Лукавый кот
И честный пес
Вдвоем явились
На допрос.
Кто их судил,
Когда и как,
Отдельно
Или вместе, –
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал
Без вести...
Бежал он,
Хвост подняв трубой,
И все меха
Унес с собой.
А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, –
Семейства
Кошек
И собак
Между собой
Не ладят.
Кота увидев,
Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
– Готова шапка
Или нет? –
А кот
Шипит ему в ответ.
При этом кот
Плюется так
В смущенье
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папахи.
ИЗ ДМИТРИЯ ГУЛИА
В горной деревне
Про солнце
С неба смотрит солнце
Миллионы лет.
Льет на землю солнце
И тепло и свет.
Но посветит солнце
И уходит прочь,
А живое сердце
Греет день и ночь.
Значит, сердце лучше
Солнца самого.
Никакие тучи
Не затмят его!
Родник
В былое время под горой

Родник единственный бежал,
К нему народ ходил толпой,
Водил коней на водопой
По вековым ступеням скал.
И все селение водой
Родник поил и умывал.
До родника спускаться – час,
Потом наверх взбираться – час,
И воду брать, нагнувшись, – час,
И отдыхать, вернувшись, – час...

Так был далек
Тот родничок,
что под горой бежал у нас.
Но родники с недавних пор
Пошли по трубам в каждый двор:
И у Сагясы есть родник,
И у Дауда есть родник,
У деда Кана есть родник,
Да и у Баты есть родник.
И говорит нам Кан старик,
Отпраздновавший сотый год:
– Ну и хорош у нас родник,
По имени Водопровод!

Заказ
Сто километров горного пути
Пройдешь, чтобы до города дойти.
Легко бежит по скалам молодежь,
А в старости так быстро не дойдешь.
Идет до ближней почты старый Кан.
Снимает в будке трубку старикан
И задает всего один вопрос:
– А почему нет в лавке папирос?
«Казбека» нет и «Беломора» нет.
И слышит он из города ответ:
– Пожалуйста, простите. Завтра днем
Мы вам десяток ящиков пришлем!

Телескоп
Построил школьник телескоп
(Тринадцатый мальчишке год),
И по уступам горных троп
К нему во двор спешит народ.
Соседи смотрят в вышину:
– Эх, полететь бы на луну!
Так хорошо она видна, –
Недалеко от нас луна.
До поздней ночи о луне
Идет беседа в тишине.
– Побывать бы там хотя бы раз,
Потом обратно – на Кавказ!

Часы
И на руке и на стене
Верны часы у нас.
Они покажут вам и мне
Один и тот же час.
Едва лишь полночь настает,
Советская земля
Своих часов сверяет ход
С курантами Кремля.
Сейчас зима и тишина.
Над нами – звезды и луна,
Под нами – тучи пелена,
Густой туман ночной...
Но знаем: с нами вся страна,
И мы со всей страной!

ИЗ ИСААКА ФЕФЕРА
Звезды и кони
Весь в слезах вернулся мальчик
Летним вечером домой.

– Поскорей, – зовет он маму, –
Поскорей иди за мной!
За воротами я видел
Над рекой табун коней.
Кони шумно тянут воду,
Да и солнце вместе с ней.
Нам от солнышка остался
Только краешек один!..
– Ты не плачь, мой милый мальчик,
Ты не плачь, мой глупый сын.
Сколько свет стоит, мой мальчик,
Конь к воде находит путь,
Но до солнца длинной шею
Он не может дотянуть!
Солнце село за рекою.
Почернел небесный свод.
С громким ржаньем вороны
Переходят речку вброд.
Мальчик с берега крутого
Весь в слезах бежит домой.
– Поскорей, – зовет он маму, –
Поскорей иди за мной!
Солнца в небе не осталось.
Не найдешь его нигде,
Кони с гривами густыми
Шумно ходят по воде.
Кони выпьют нашу речку
С облаками и луной
И проглотят наши звезды,
Не оставят ни одной!
– Ты не плачь, мой глупый мальчик,
Много-много тысяч лет
Конь с водой глотает звезды,
Но не гаснет звездный свет.
Звезды светят, как светили,
Золотым своим огнем,
А река рекой осталась,
Светом – свет
И конь – конем!
Дружба
Тот, кто с товарищем дружен,
Вдвое умней и сильней.
Пусть нам примером послужит
Дружба ветвей и корней!
Правда и ложь
В тех краях, где кошельком
Меряют все на свете,
Правда ходит босиком,
Катит ложь в карете.
Ложь всегда опередит
Истину немножко.
Но не бойтесь: победит
Правда-босоножка.
ИЗ ДЖО УОЛЛЕСА
Мать героев
– Что плачешь ты,
Мать героев,
Не знавших,
Что значит страх?
– Душа моя славит
Героев,
А плачет
О сыновьях.
О маленькой Дорис
Она не знает, что мертва.
Не нужно слез печали.
Так редко неба синева
Сияла ей в подвале.

Для девочки, что прожила
Семь лет в трущобе тесной,
Могила на краю села
Тиха, как рай небесный.

* * *

Мальчишкой только я и знал, что бегать да расти,
Ловить плотниц, тревожить птиц и яблони трясти.
Веснушчатую девочку, чьи губы роз красней,
Гулять свистком я вызывал, и май являлся с ней.
Я вырос гордым пареньком с толковой головой,
Но заработал я трудом лишь саван гробовой.
Я долго девушку искал, с которой был знаком,
Но злой туман из-за реки позвал ее свистком.
Печально шел за годом год, и старость подошла.
Не видно рыб, не слышно птиц, и яблоня гола.
О том, что тленно все вокруг, бормочет мне река...
Но за рекой моя любовь, – я жду ее свистка.

Заполненная анкета

1

Давай заполним этот лист, солдата хороня.
Как звали. Номер. Где рожден. Ближайшая родня.
Религия и раса. Чин. Кто был отец, кто мать.
Ведь надо знать, где надлежит покойнику лежать.

2

Ближайшая родня
Среди полей чужой земли
Нашел я мертвеца.
И одуванчики цвели
Вокруг его лица.
Как нимб горели золотой,
Как свечи в изголовье,
Зажженные за упокой
В траве, залитой кровью.
Я слышал тихие слова
В изрытом этом поле.
Прошелестела их трава,
Пропел их ветер, что ли?
Иль птица, жаба и пчела,
Любая тварь, что здесь жила,
На языке своем звала
Того, кто был солдатом,
Звала тихонько братом...

3

Место рождения
Не все ли вам равно, где воздух в этом мире
Впервые он ловил, разинув рот пошире?
Отметьте голые поля чужого края,
Где воздух жадным ртом ловил он, умирая.

4

Раса
Все как есть черны мы были
В мертвый час полночной мглы,
И у всех в сырой могиле
Кости голые белы.

5

Религия
Безбожники, евреи, христиане,
Кто различал вас в боевом тумане?
Один пред смертью был у вас завет:
Живые, сделайте светлее этот свет!

ИЗ ДЖАННИ РОДАРИ

1. Чем пахнут ремесла?

Чем пахнут ремесла?

У каждого дела

Запах особый:

В булочной пахнет

Тестом и сдобой.

Мимо столярной

Идешь мастерской –
Стружкой пахнет
И свежей доской.
Пахнет маляр
Скипидаром и краской. –
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.
Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего –
Маслом машинным.
Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате –
Лекарством приятным.
Рыхлой землю,
Полям и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.
Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.
Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!
Какого цвета ремесла
Цвет свой особый
У каждого дела.
Вот перед вами
Булочник белый.
Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встает он
Раньше, чем птицы.
Черный у топки
Стоит кочегар.
Всеми цветами
Сверкает маляр.
В синей спецовке,
Под цвет небосвода,
Ходит рабочий
Под сводом завода.
Руки рабочих
В масле и в саже.
Руки богатых
Белее и глаже.
Нежные пальцы,
Светлые ногти.
Нет на них копоты,
Масла и дегтя.
Знаешь: пускай у них кожа бела,
Очень черны у богатых дела!
Лудильщик
Стишок про лудильщика, парня веселого.
Он плавит свинец и блестящее олово.
Он варит лекарства в походной аптеке
Больной сковородке, кастрюле-калеке.
Он чайник исправит – и чайник здоров.
Он врач сковородок, профессор котлов.
Он лечит кофейнику носик и донце,
И старый кофейник сверкает, как солнце.
Больница его – на камнях мостовой.
И солнце горит над его головой.
«Старье берем!»
– Эй, старичок «Старье берем»!
Что ты несешь в мешке своем?

– Несу башмак без каблука,
Один рукав без пиджака,
Смычок без скрипки и ошейник,
Безносый чайник и кофейник
Да котелок из чугуна,
Насквозь проржавленный, без дна.
Несу министра без портфеля.
Он правил без году неделю
И призывал страну к войне...
Он у меня на самом дне!
Городской трамвай
Не будит меня на рассвете петух:
Сигналы трамвая тревожат мой слух.
Одеты в спецовки свои темно-синие,
Рабочие первыми едут по линии.
За ними в вагоне второго трамвая
Чиновники едут, газеты читая.
А в третьем трамвае возня, суета:
Ватага ребят занимает места.
Они повторяют во время движенья
Сложенье, деленье, склоненье, спряженье!
Служанка

Вечно ворчит
На служанку хозяйка:

– Плохо погладила
Платье, лентяйка.
Окна не вымыты.
Пол не натерт.
Ложка пропала.
Не выпечен торт.
Дня не проходит
Без новой придирки:
– Соус без соли.
Крендель без дырки.
Кот не накормлен.
Кофе не молото.
Плохо начищены
Бронза и золото.
Лопнул стакан,
И разбиты две банки..
Туго приходится
Бедной служанке!

Точильщик

На педаль нажимая ногою,
Он вращал колесо ремешком.
Колесо он носил за спиною,
А ходил по дорогам пешком.
Вполголоса

Это – тихий, тихий стих,
Тише всех стихов других.

Кто по городу ночному
Держит путь от дома к дому?

Верно, принц уснуть не может:

Шум листвы его тревожит?

Иль во тьме разносят феи

Все билеты лотерей?

Или, может быть, не спит

Тот, чей зуб всю ночь болит?

Нет, шагает вперевалку

Старый сторож с толстой палкой.

Он один не спит в квартале,

Чтоб другие крепко спали.

СТИШОК ПРО ЛЕТНЮЮ ЖАРУ И ГОРОДСКУЮ ДЕТВОРУ

Приятно детям в зной горячий

Уехать за город на дачи,

Плескаться в море и в реке

И строить замки на песке.

А лучше – в утренней прохладе

Купаться в горном водопаде.
Но, если вас отец и мать
Не могут за город послать, –
На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.
Или валяетесь
Летом на травке
На берегу
Водосточной канавки.
Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:

1

Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом.

2

Всех ребятишек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство

3

Этим приказом – параграфом третьим –
Горы Альпийские дарятся детям.

Заключенье

Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключенье в тюрьму!

2. Из книги городов

Открытки с видами городов
Открытки, блестящие глянцем,
Распродаются иностранцам.
Милан с прославленным собором.
Рим: Капитолий, Купол, Форум.
Неаполь с морем и вулканом,
Откуда вьется дым султаном.
Вот Пиза со своей всегдашней
Наклонной – падающей – башней.
Вот Генуя с морскою гаванью
И с кораблем, идущим в плаванье..
А что скрывается внутри, –
Ты за открытку посмотри.
Вправду ли, вечно гоняя гондолы,
Венецианцы поют баркаролы?
Вправду ль Неаполю только и дела –
Глазеть на вулкан да плясать тарантеллу?
Может, и так. Но я верю глазам,
Верю тому, что увижу я сам.
Разрешите мне, синьоры,
За открытку кинуть взоры,
Узнать, как дела у людей обстоят,
Что делают люди, о чем говорят.
Кто горюет, веселится,
Кто без ужина ложится,
Кто зимой не защищен
От дождя и снега,
У кого отличный сон,
Только нет ночлега.
Загляните-ка, синьоры,
За открытку, на которой
Парки, башни и соборы..
Мастер плетеной мебели из городка Беллуно
Плетет он стулья,
Чтоб вы сидели,
А сам сидит он на панели.
Кто делает автомобили,

Бредет по улицам пешком.
А те, что вам ботинки шили,
Частенько ходят босиком.
Порой у пчел нет меда в улье,
У земледельца нет земли,
А человек, плетуший стулья,
Сам на земле сидит в пыли.
Неаполь без солнца
В Неаполе – в городе яркого света –
Есть переулочек Палонетто.
Кривой переулок темен и тесен –
Без неба, без солнца, без моря, без песен.
А будет ли песня кем-нибудь спета
Для тебя, мой Неаполь, без неба, без света?

Площадь Мастаи
Площадь Джованни Мастаи Ферретти.
В брызгах фонтана купаются дети.
В воду ныряют на площади Рима,
А рядом троллейбус пронесется мимо.
Кажется, лопнет троллейбус набитый.
Люди в троллейбусе очень сердиты.
Смотрят в окошки, как будто грозя:
«Эй, шалопаи! Купаться нельзя!»
Но под одеждой, взмокшей от зноя,
В душах людей я читаю иное.
Что-то живое бьется тайком
В сердце у каждого под пиджаком.
Думают взрослые: «Эх, чертенята!
Лето – раздолье для вашего брата.
Мы же строчить в министерствах должны,
Вместо того чтобы сбросить штаны
И полоскаться в бассейне, как дети,
На площади старой Мастаи Ферретти».

Венеция
Глядит в лагуну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встает такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звезд.
Где ж настоящая луна?
Где настоящий мост?

3. Из книги «поезд стихов»
Шесть тысяч поездов
Шесть тысяч длинных поездов
Бегут по рельсам каждый день,
От городов до городов,
Минуя сотни деревень.
Один уходит за другим
В Милан, Турин, Сиену, Рим.
Мчатся в Неаполь, Верону, Венецию,
В Геную, Лукку, Флоренцию, Специю.
Быстро везет паровоз из депо
Нас через реку по имени По.
В Реджо Калабрия поезда
С берега сами идут на суда.
Если бы выстроить их вереницей –
Все эти тысячи поездов, –
Был бы передний в горах у границы,
Задний – у южных морских берегов.
Поезд по рельсам ведет машинист,
Смотрит, чтоб путь был свободен и чист.
Он управляет движеньем колес,
Может в пути задержать паровоз.
Очень советую вам я, синьоры,
Не затевать с машинистами ссоры!
Спальный вагон
Если бы стал я владельцем дороги

И посетил этот поезд убогий,
Поезд, где в хмурые ночи осенние,
Кроме дыхания, нет отопления,
Поезд, в котором десятки ребят
На чемоданах, свернувшись, лежат,
Поезд, где мать укрывает ребенка
Старую шалью, дырявой и тонкой, –
Я бы на каждый ночной перегон
Детям давал бы спальный вагон.
Каждому – койку с простынкою чистой,
По одеялу из шерсти пушистой.
И приказал бы, чтоб детям в постели
Песню колеса бегущие пели.

Туннель

Туннель – это ночь,
Но не вправду, а в шутку.
Ночь продолжается только минутку.
Поезд так быстро выходит на свет,
Что испугаться времени нет.

Домик № 27

Очень мне нравится эта сторожка.
Все поезда в ней видны из окошка.
Справа и слева – деревья, кусты,
А на окошках – герани цветы.
Чей это домик? Не ваш и не мой.
Железнодорожный.
Двадцать седьмой.

Зал ожидания

Это – большое вокзальное зданье.
В зданье имеется зал ожидания.
Если ночлега нигде не найдешь,
Ты притворись, будто поезда ждешь.
Ночью ты голос услышишь спросонья:
– Скорый – в Неаполь!
Курьерский – в Болонью!
Сидя на лавке меж двух узелков,
Спи под напев паровозных гудков.
Думает, зал обходя, контролер:
«Что же не едет этот синьор?
Спит на скамейке он крепко и сладко.
Верно, в пути у него пересадка».
Сплю я, синьор, не будите меня!
Только не поезда жду я, а дня.
Носят меня не колеса, а ноги.
Днем я хожу да хожу по дороге.
Жду я работы, ищу пропитанья,
Но возвращаюсь в зал ожидания...
В зале сижу я ночь напролет.
Видно, не скоро мой поезд придет.
Гул паровоза, протяжный и зычный,
Напоминает гудок мне фабричный.
Ах, контролер, не мешайте вы мне
Видеть работу хотя бы во сне!

Эшелон

Что поете вы, солдатики, солдаты,
В длинном поезде, везущем вас куда-то?
Что поете вы, с платформы свесив ноги
И болтая сапогами по дороге?
«Машинист любезный наш,
Ну-ка, маслом поршни смажь.
Мы по горло сыты, брат, войной.
Слушай, малый, поворачивай домой!»
Распевали в эшелоне
Эту песню много дней,
И была такая надпись на вагоне:
«Сорок человек – восемь лошадей».
Поезд эмигрантов
Не тяжел он, чемодан-то,

У бедняги эмигранта.
Мешочек с родной деревенской землицей,
Чтобы не слишком скучать за границей,
Смена одежды, хлеб и лимон –
Вот чем его чемодан нагружен.
Дома – в деревне – осталось немало:
Сердце никак в чемодан не влезало.
Сердце с землей не хотело расстаться,
Вот и пришлось ему дома остаться.
Верной собакой остаться среди поля,
Что не могло накормить его вволю.
Вон это поле – полоска земли...
Да и полоска скрылась вдали!
Детская железная дорога
Есть такая страна на свете,
Где в своих поездах разъезжают дети.
В поездах настоящих – с дымом, паром,
С машинистом, кондуктором и кочегаром.
По настоящим рельсам и шпалам
Поезд идет к настоящим вокзалам.

Начальник станции – с вершок,
Чуть-чуть побольше, чем свисток.
Помощница на полвершка
Короче своего флажка.
Кондуктор главный молод тоже,
А контролер еще моложе.
Места для едущих ребят –
Под окнами вагона.
В окошки путники глядят
Во время перегона.
Берет при входе пассажир
Билет перед посадкою.
Над кассой вывесил кассир
Такую надпись краткую:
«Родителям, желающим
В ребячий сесть вагон,
С лицом сопровождающим
Являться на перрон!»

А. ТВАРДОВСКИЙ. О ПЕРЕВОДАХ С. Я. МАРШАКА

Обозначение «перевод» в отношении поэзии всегда в той или иной мере отталкивает читателя: оно позволяет предполагать, что имеешь дело с некоей условной копией поэтического произведения, именно «переводом», за пределами которого находится недоступная тебе в данном случае подлинная прелесть оригинала. И есть при этом другое, поневоле невзыскательное чувство читателя – готовность прощать переводу его несовершенства в собственно поэтическом смысле: уж тут ничего не поделаешь – перевод! Был бы только он точным, и на том спасибо.

Однако и то и другое чувство могут породить лишь переводы известного убого формального, ремесленного толка, изобилие которых, к сожалению, не убывает со времен возникновения этого рода литературы и до наших дней включительно.

Но есть переводы другого рода, другого толка. Русская школа поэтического перевода, начиная с Пушкина и Жуковского и кончая современными советскими поэтами, дает блистательные образцы творческого «усвоения» родной речью большинства лучших явлений поэзии иных языков. Эти переводы прочно вошли в богатейший, разнообразнейший фонд отечественной поэзии, стали почти неразличимыми в ряду её оригинальных созданий и вместе с ними составляют её заслуженную гордость и славу.

И нам даже не всякий раз приходит на память, что это переводы, когда мы читаем или слушаем на родном языке, к примеру, такие вещи, как «Будрыс и его сыновья» Мицкевича (Пушкин); «Горные вершины...» Гете и «На севере диком...» Гейне (Лермонтов); «На погребение Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...») Вольфа (И. Козлов); песни Беранже (В. Курочкин) и многие, многие другие. При восприятии таких поэтических произведений, получивших свое, так сказать, второе существование и на нашем родном языке, мы меньше всего задумываемся над тем, насколько они «точны» в отношении оригинала.

Допустим, я, читатель, не знаю языка оригинала, но данное произведение на русском языке волнует меня, доставляет живую радость, воодушевляет силой поэтического впечатления, и я не могу предположить, что в оригинале это не так, а как-нибудь иначе, – я принимаю это как полное соответствие с оригиналом и отношу признательность и восхищение к автору перевода так же, как и к автору оригинала, – они для меня как бы одно лицо.

Словом, чем сильнее непосредственное обаяние перевода, тем вернее считать, что перевод этот точен, близок, соответствует оригиналу.

И, конечно, наоборот: чем менее иллюзии непосредственного самобытного произведения дает нам перевод, тем вернее будет предположить, что перевод этот неправилен, далек от оригинала.

О переводах С.Я. Маршака, – будь то народные баллады и эпиграммы, стихи и песни Роберта Бернса или сонеты Шекспира, – хочется прежде всего сказать, что они обладают таким очарованием свободной поэтической речи, когда читатель, даже знающий язык оригинала, как бы забывает о возможности иного, чем в данном переводе, звучания этих строк.

С особенной силой эта безобманная иллюзия сказывается на образцах бернсовской поэзии, занимающих самое значительное место в переводческой работе С. Я. Маршака. Здесь испытываешь именно такое впечатление «первородности» поэтического слова, точно Бернс сам писал по-русски да так и явился нам без всякого посредничества.

Советский читатель уже успел узнать, полюбить и запомнить многое из этого поэтического наследия Роберта Бернса по первоначальным публикациям переводов С. Я. Маршака в журналах и отдельных его сборниках. Это – классическая баллада «Джон Ячменное Зерно», гимн труду и воле к жизни и борьбе людей труда – борьбе, поэтически уподобленной бессмертной силе произрастания и плодоношения на земле. Это – гордые, исполненные дерзкого вызова по отношению к паразитической верхушке общества строки «Честной бедности» или «Дерева свободы» – непосредственного отклика на события великой французской революции. Это – нежные, чистые и щемяще-трогательные песни любви, как «В полях, под снегом и дождем...» или «Ты меня оставил, Джеми...» Это восхитительный в своем веселом озорстве и остроумии «Финдлей» и, наконец, эпиграммы, острие которых вполне применимо и в наши дни ко всем врагам трудового народа, прогресса, разума, свободы, мира.

И понятно, что тот успех, который приобрели переводы С. Я. Маршака из Бернса в широких кругах советских читателей, объясняется не только поэтическим мастерством их исполнения, о чем будет еще сказано, но и прежде всего самим выбором оригинала. Роберт Бернс (1759–1796) – удивительное и редкое явление европейской поэзии. Сын шотландского крестьянина и сам крестьянин, слагавший свои стихи большею частью за работой в поле, он – живое и яркое свидетельство огромной духовной творческой силы народа, блистательно проявившейся в области литературы еще тогда, когда занятие ею было исключительной привилегией людей из нетрудовых классов. И вот этот фермер-бедняк, живший в эпоху аграрно-промышленного переворота, несшего крестьянству разорение и гибель, человек, сведенный нуждой в цветущих городах в могилу, своим творчеством составил национальную гордость Шотландии, – творчеством, явившимся одной из ярких и своеобразных страниц мировой поэзии.

Самоучка из безвестной деревушки полубезвестной маленькой страны, подавленной в своём государственном и культурном развитии владычеством англичан, Роберт Бернс сумел подняться до вершин современной ему культуры, развить в себе непримиримый пафос политического борца, выразившего свободолюбивые стремления народа, его веру в будущее, в торжество правды и справедливости.

Но верю я: настанет день, –
И он не за горами, –
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.
Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат.
И будут люди жить в ладу,

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Как дружная семья, брат!
(«Дерево свободы»)

Он совсем не таков, каким его пытались представить буржуазные биографы и литературоведы, снисходительно отводившие ему место этакого неприятельного идилика сельской жизни, смиренного «поэта-пахаря», писавшего «преимущественно на шотландском наречии». Бернс – народный певец, поэт-демократ и революционер, он дерзок, смел и притязателен, и его притязания – это притязания народа на национальную независимость, на свободу, на жизнь и радость, которых единственно достойны люди труда.

Он дорог и близок нам, людям иной эпохи и иного строя жизни, этими чертами своего поэтического облика: глубоким патриотизмом, открытой ненавистью и презрением к вершителям судеб народа в классовом обществе – тунеядцам, надутым ничтожествам, облеченным громкими титулами, ханжам и мракобесам в сутанах и рясах – и глубокой преданной любовью к народу, горячим участием в его бедах и нуждах, готовностью отдать душу за его счастье.

Он дорог и близок нам и своей поэтикой, являющей замечательный образец демократизма формы, гармонического слияния средств подлинно народной поэзии с мастерством высоко развитой литературы, опирающейся на опыт мировой классики.

Советскому поэту на основе достижений отечественной классической и современной лирики удалось с несомненным успехом довести до читателя своеобразие бернсовской поэзии, исполненной простоты, ясности и как бы врожденного изящества. Переводы С.Я. Маршака выполнены в том поэтическом ключе, который мог быть угадан им только в пушкинском строе стиха, чуждом каких бы то ни было излишеств, строгом и верном законам живой речи, пренебрегающей украшательством, но живописной, меткой и выразительной.

Небезынтересно было бы проследить, как развивался и совершенствовался «русский Бернс» под пером различных его переводчиков, как он по-разному выглядит у них и какими преимуществами обладают переводы С. Маршака в сравнении с переводами его предшественников. Позволю себе здесь взять наудачу только один пример из «Джона Ячменное Зерно». Вот прозаический перевод первой строфы баллады: «Три великих короля торжественно поклялись, что Джон Ячменное Зерно должен умереть». А вот как звучит эта строфа у М. Михайлова, вообще говоря замечательного мастера, которому, между прочим, принадлежит честь одного из «первооткрывателей» Бернса, в русском переводе:

Когда-то сильных три царя[5]
Царили заодно
И порешили: «Сгинь ты, Джон Ячменное зерно!»

Очевидно, что лучше бы вместо «царей» были «короли», что неудачно и это вынужденное «зерно» – «заодно»; слова, заключенные в кавычки, по смыслу – не решение, не приговор, как должно быть по тексту, а некое заклинание. Да и «порешили» не совсем подходящее слово в данном контексте. Кроме того, М. Михайлов рифмует через строку (вторую с четвертой), и это обедняет музыку строфы.

У Э. Багрицкого:

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
– Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Здесь – «короли» вместо «царей», но что они «из трех сторон» – это попросту не по-русски, неловко, – выражение допущено ради рифмовки; «заодно» здесь приобрело иное, чем у М. Михайлова, правильное, звучание; формула же решения королей выражена недостаточно энергично, лишними словами выглядят «должен» и «юный», хотя, казалось бы, слово «должен» в точности соответствует оригиналу. Кстати сказать, весь перевод Э. Багрицкого неудачен, и дело не только в отдельных неточностях либо неловкостях. Э. Багрицкий подменил в балладе пафос утверждения

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
бессмертия народа, его неукротимой жизненной силы, так сказать, абстрактно-вакхическим пафосом пива, пафосом «жизнепрития» вообще:

У С. Маршака:

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Здесь ни одно слово не выступает отдельно, оно цепко связано со всеми остальными, незаменимо в данном случае. А какая энергия, определенность, музыкальная сила, отчетливость и в то же время зазывающая недосказанность вступления! Маршак не просто «переводил» строфу, пугливо озираясь на оригинал, а создавал ее на основе оригинала, озабоченный тем, что будет вслед за этой строфой, – она влечет за собой последующие.

Может показаться, не слишком ли скрупулезно и мелочно это рассмотрение наудачу взятых четырех строчек и считанных слов, заключенных в них. Но особенностью поэтической формы Бернса как раз является его крайняя немногословность в духе народной песни, где одни и те же слова любят, повторяясь, выступать в новых и новых мелодических оттенках и где это повторение есть способ повествования, развития темы, способ живописания и запечатление того, что нужно. Особенно наглядна эта сторона манеры Бернса в его лирических миниатюрах.

Иные из них прямо-таки состоят из четырех-пяти слов, меняющихся местами и всякий раз по-новому звучащих на новом месте, порождая музыку, которой невольно следуешь, читая стихотворение:

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил –
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!
Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою.
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

Простая, незатейливая песенка девичьего горя, простые слова робкого упрека и глубокой печали, – но нельзя прочесть эти строки, не положив их про себя на музыку.

Самуилу Яковлевичу Маршаку удалось в результате упорных многолетних поисков найти как раз те интонационные ходы, которые, не утрачивая русской самобытности, прекрасно передают музыку слова, сложившуюся на основе языка, такого далекого по своей природе от русского. Он сделал Бернса русским, оставив его шотландцем. Нигде не найдешь ни одной строки, ни одного оборота, которые бы звучали, как «перевод», как некая специальная конструкция речи, – всё по-русски, и, однако, это поэзия своего особого строя и национального колорита, и её отличишь от любой иной.

У которых есть, что есть, – те подчас не могут есть.
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, –
Значит, нам благодарить остается небо!

В этих двух предложениях шуточного застольного присловья, где многократно повторен и повернут коренной русский глагол – «есть» и где все совершенно согласно со строем русской речи, – может быть, одно только последнее слово – «небо», тоже чисто русское слово, в данном своем значении вдруг сообщает всему четверостишию особый оттенок, указывает на иную, чем русская, природу присловья.

Такая гибкость и счастливая находчивость при воспроизведении средствами русского языка поэтической ткани, принадлежащей другой языковой природе, объясняется, конечно, не тем, что С. Маршак искусный специалист-переводчик, – в поэзии нельзя быть специалистом, – а тем, что он настоящий поэт, обладающий полной мерой живого, творческого отношения к родному слову. И еще дело в том, что в своем оригинальном творчестве, в частности в стихотворениях для детей, в политических сатирах и эпиграммах, он неизменно обнаруживает свою приверженность существенности и остроте содержания и простой, ясной, глубоко демократической форме. У кого он учился своему оригинальному письму, – у Пушкина, у Некрасова, – у тех он научился и мастерству поэтического перевода, – речь идет, конечно, не об их переводах, которых у Пушкина немного, а у Некрасова вовсе раз-два и обчелся.

Без любви, без волнения и горения, без решимости вновь и вновь обращаться к начатой работе, без жадности совершенствования нельзя, как и в оригинальном творчестве, ничего сделать путного и в поэтическом переводе. С. Маршак – одинаково поэт и вдохновенный труженик, когда он пишет оригинальные стихи и когда он переводит. Поэтому его Бернс, каким он представлен в его переводах, кажется нам уже единственно возможным Бернсом на русском языке, – как будто другого у нас и не было. А ведь не так давно мы, кроме нескольких уже порядочно устаревших переводов XIX века да «Джона Ячменное Зерно» и «Веселых нищих» Э. Багрицкого, исполненных в крайне субъективной манере, да слабой книжки переводов Т. Щепкиной-Куперник – переводчицы, может быть, и отличной в отношении других авторов, – кроме этого, ничего и не имели. Можно сказать, что мы не имели настоящего Бернса на русском языке. Самуилом Яковлевичем Маршаком сделано большое литературное и политическое дело. Его переводы – новое свидетельство высокого уровня культуры, мастерства советской поэзии, и они – ее неотъемлемое достояние в одном ряду с ее лучшими произведениями. Можно, например, не сомневаться, что ни в одной стране мира великий народный поэт Шотландии не получил до сих пор такой яркой, талантливой интерпретации.

Во вступительной статье к книге «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» М. Морозов сообщает о письме некоего Лайонэля Хайля, напечатанном в лондонской газете «Таймс», в котором он объявил Бернса «непонятым» с точки зрения англичанина и потому «второстепенным» поэтом, ограниченного, «регионального» значения, не дальше приделов своей страны. Это вздорное, невежественное утверждение вызвало бурю возмущения на родине Бернса. Шотландская печать указывала на то, как популярен Роберт Бернс в Советском союзе, где имеются переводы его стихов на русском, грузинском и украинском языках, и, в частности, отмечала переводы С. Маршака.

Это было несколько лет назад, когда С. Маршаком были переведены еще только немногие стихотворения Бернса. Ныне, когда поэтический труд по воссозданию бернсовского наследия на русском языке завершен в значительной своей части, шотландцы с еще большим основанием и правом могут ссылаться на популярность Бернса в СССР, на признание и любовь к нему у широких слоев советских читателей.

Переводы С.Я. Маршака, в частности, и в особенности переводы стихов великого Бернса, можно считать серьезным вкладом в дело культурного сближения и обращения народов путем обмена нетленными ценностями культуры, искусства, литературы. А это дело в наши дни – дело борьбы за самое дорогое для человечества, борьбы за мир во всем мире.

Примечания

1 Сонеты 135 и 136 построены на игре слов. Сокращенное имя поэта «will» (от «william» – «Вильям») пишется и звучит также, как слово, означающее волю или желание.

2 Здесь дано несколько песен и стихотворных реплик шута. Из них выбраны только те, которые имеют более или менее самостоятельное значение и не слишком тесно связаны с общим текстом трагедии.

Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

3 Это стихотворение взято из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

4 Старое название Оксфорда

5 Здесь и далее курсив мой (А. Т.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://marshaksamuil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!